

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

DK

99

14

ILOVAĬSKIĬ.

KULIKOVSKAIA...

ПЯТИСОТЛѢТІЕ.

КУЛИКОВСКАЯ ПОБѢДА

**ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА
ДОНСКАГО.**

Историческій очеркъ

Д. ИЛОВАЙСКАГО.

Цѣна 35 коп.

МОСКВА.

1880.

ВЪ ПОЛЪЗУ КУЛИКОВСКАГО

И Н В А Л И Д Н А Г О Д О М А .

0-108534

70
8694

Иловайскій, Д.И.

КУЛИКОВСКАЯ ПОБѢДА

ДИМИТРІЯ ИВАНОВИЧА

ДОНСКАГО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Д. ИЛОВАЙСКАГО.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К^о, Леонтьевскій цер. собст. д

1880.

TK

F02765

DK99
I4

Дозволено цензурой. Москва Августа 29 дня, 1860 г.

Куликовская битва была столько разъ расказана или описана и всѣмъ извѣстными русскими исторіографами, начиная съ Карамзина, и мало извѣстными писателями, что, казалась бы, нѣтъ особой нужды въ ея новомъ описаніи. Но съ одной стороны исполнившееся пятисотлѣтіе великаго событія Русской исторической жизни, сильно оживляющее воспоминаніе о немъ, съ другой возможность всегда находить или неполноту и неясность, или нѣкоторую односторонность и тому подобныя несовершенства предшествующихъ описаній—даютъ поводъ для появленія все новыхъ и новыхъ трудовъ, хотя бы еще менѣе совершенныхъ. Въ томъ числѣ и авторъ настоящаго очерка предлагаетъ общественному вниманію свой небольшой трудъ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Москва возвысилась надъ другими русскими областями помощью самихъ Золото-ордынскихъ хановъ, которыхъ начальныя собиратели Руси великие московскіе князья Иванъ Калита и сынъ его Симеонъ Гордый умѣли сдѣлать орудіями своей ловкой, предусмотрительной политики. Внукъ Калиты Дмитрій Ивановичъ, оставшись отрокомъ послѣ отца, укрѣпилъ за собою великокняжескій Владимірскій столъ, руководимый умными московскими боярами, вѣрными слугами его отца Ивана и дяди Симеона Гордаго. Придя въ возрастъ, онъ началъ обнаруживать замѣчательную отвагу и рѣшительность, и, пользуясь собранными силами сѣверо-восточной Руси, смѣло вступилъ въ борьбу со всѣми соперниками и врагами Москвы, именно, съ Тверью и Рязанью, съ Новгородомъ и Литвою; очередь наконецъ дошла и до варварскихъ завоевателей Руси, до Татаръ.

Между тѣмъ какъ Московское княженіе ширилось и укрѣплялось, Кипчакская или Золотая Орда наоборотъ, достигнувъ высшаго могущества при ханѣ Узбекѣ (покровителѣ Ивана Калиты), послѣ него замѣтно начала приходить въ упадокъ, по причинѣ своихъ внутреннихъ смуть и междоусобій за ханскій престолъ. Тогда же началось распаденіе Кипчакской орды на разныя и притомъ враждебныя-другъ другу владѣнія. Отъ нея постоянно отдѣлялись царства Татаръ Крымскихъ, Камско-болгарскихъ, Сибирскихъ, Яицкихъ и пр. Въ самой Сарайской или Волжской ордѣ во время малолѣтства Дмитрія Ивановича явились два хана, Мурадъ и Абдулла. Послѣдній взялъ верхъ съ помощью своего ловкаго темника или воеводы Мамаю. Этотъ Мамай потомъ приобрѣлъ такую силу, что ставилъ и свергалъ хановъ по своему усмотрѣнію, и управлялъ Ордою отъ ихъ имени.

Такими неустройствами воспользовался Дмитрій Московскій, что бы постепенно ослабить свою зависимость отъ хановъ. Борьбу съ Татарами онъ началъ не прямо съ Золотой Орды, въ отношеніи которой по наружности продолжалъ показывать себя покорнымъ данникомъ. Въ союзѣ съ своимъ тестемъ, княземъ Дмитріемъ Нижегородскимъ, онъ нанесъ нѣсколько чувствительныхъ ударовъ сосѣднимъ татарскимъ владѣніямъ въ Камской Болгаріи, въ Мордовской землѣ и пр. Такимъ образомъ Русскіе постепенно приучались бить и даже мѣстами подчинять себѣ своихъ прежнихъ властителей, Татаръ. Мамай понялъ, къ чему ведетъ Московская

политика, и захотѣлъ напомнить какъ Дмитрію, такъ и другимъ русскимъ князьямъ всю силу Татарскаго господства. Онъ могъ теперь дѣйствовать тѣмъ рѣшительнѣе, что ему удалось возстановить внутреннее единство и спокойствіе въ Сарайской Ордѣ, которою онъ распоряжался неограниченно.

Лѣтомъ 1378 года Мамай послалъ два войска на Русь Сѣверовосточную. Одно направилось на Нижній Новгородъ, сожгло его, и разорило окрестную область. Другое гораздо большее, подъ начальствомъ мурзы Бѣгича, двинулось на Москву. Но Дмитрій предупредилъ враговъ, и не допустилъ ихъ ворваться въ свою землю. Онъ встрѣтилъ Татаръ въ Рязанской землѣ. Великій князь Рязанскій Олегъ около того времени помирился съ Дмитріемъ и былъ его союзникомъ. 11 августа произошла рѣшительная битва съ Татарами на берегахъ Вожи, праваго притока Оки, неподалеку отъ Переяславля Рязанскаго (нынѣ губернскаго города Рязани). Дмитрій лично начальствовалъ большимъ или главнымъ полкомъ; однимъ крыломъ предводительствовалъ князь Даниилъ Пронскій, другимъ московской воевода Тимофей Вельяминовъ. Татары перешли рѣку и первые сдѣлали нападеніе; но были разбиты на голову, и много ихъ перетонуло въ рѣкѣ во время бѣгства. Наступившая ночь прекратила преслѣдованіе; на слѣдующее утро Татаръ уже не было видно; они бѣжали въ степи, бросаивъ свои кибитки и телѣги.

Это была первая большая побѣда, одержанная Русью надъ своими завоевателями. Это уже было

открытое и рѣшительное возстаніе великаго Московскаго князя противъ Золотой Орды. Можно представить себѣ ярость Мамай и золотоордынскихъ мурзь, когда бѣглецы принесли имъ вѣсть о своемъ пораженіи. Прежде всего онъ спѣшилъ выместить свою досаду на Рязанской области. Собравъ остатки разбитой рати, онъ бросился на Рязань. Неожидая такого скорого возвращенія Татаръ послѣ ихъ пораженія, Олегъ Рязанскій оказался неготовымъ къ оборонѣ, и удалился на лѣвую лѣсную сторону Оки. Татары пожгли Переяславль и нѣкоторые другіе города, разорили множество сель, и увели большое количество плѣнниковъ.

Это внезапное нападеніе должно было послужить только предвѣстіемъ болѣе страшной бури, т. е. опустошенія самого Московскаго княженія. Но, испытавъ его могущество, Мамай рѣшилъ приготовить прежде большія силы, чтобы напомнить Руси Батыево нашествіе.

Тѣмъ временемъ Дмитрій дѣйствовалъ уже съ другой стороны. Пользуясь смутами, наступившими въ Литвѣ по смерти стараго своего непріятеля Ольгерда, онъ отвоевалъ у его сына и преемника Ягайла нѣкоторыя пограничныя русскія области въ землѣ Чернигово-Сѣверской.

Итакъ Вожинская побѣда является началомъ или преддверіемъ гораздо болѣе великаго и славнаго событія: побѣды Куликовской.

I.

Недобрыя вѣсти.

Неуспѣлъ великій князь Дмитрій Ивановичъ съ своими боярами и дружиною отдохнуть отъ недавнихъ походовъ протявъ Татаръ и Литвы, какъ лѣтомъ 1380 года въ Москву пришла грозная вѣсть: Мамай поднялся со всей своей ордой и идетъ на Русь. Недовольствуясь тѣмъ, что собралъ всю силу Татарскую и Половецкую, старый Ханъ нанялъ еще въ свою службу отряды закаспійскихъ мусульманъ, Аланъ, Черкесъ и крымскихъ Фряговъ (Генуазцевъ). Мало того, онъ заключилъ союзъ съ недругомъ Москвы великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ, который обѣщалъ соединиться съ нимъ, чтобы вмѣстѣ разгромить Московскую землю. Вѣсти добавляли, что Мамай исполнился великой ярости противъ русскихъ князей за поражение татарскаго войска на рѣкѣ Вождь, что онъ хочетъ ихъ совершенно истребить, а вмѣсто нихъ посадить на Руси своихъ баскаковъ; грозитъ даже искоренить и самую православную вѣру, а намѣсто ея ввести свою бусурманскую (т. е. мусульманскую). Въ подтвержденіе этихъ вѣстей прискакалъ гонецъ отъ великаго князя Рязанскаго Олега Ивановича. Сей послѣдній, бывший передъ

тѣмъ временемъ въ единеніи и пріязни съ Московскимъ княземъ, извѣщая, что Мамай уже перешелъ на правую сторону Дона и прикочевалъ къ устью рѣки Воронежа, т. е. къ предѣламъ Рязанской земли.

Опечалился Димитрій Ивановичъ при видѣ такой черной тучи, надвигавшей на Русь, и прежде всего по обычаю благочестивыхъ Русскихъ князей, прибѣгъ къ молитвѣ и покаянію. А затѣмъ, ободрясь духомъ и не теряя времени, послалъ гонцовъ во всѣ концы своей земли съ повелѣніемъ, что бы намѣстники его и воеводы спѣшили съ ратными людьми въ Москву. Разослалъ также грамоты къ подручнымъ себѣ и сосѣднимъ князьямъ русскимъ, убедительно прося ихъ какъ можно скорѣе идти къ нему на помощь съ своими дружинами; прежде же всѣхъ послалъ за своимъ двоюроднымъ братомъ и другомъ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ. Послѣдній незамедлилъ явиться на этотъ призывъ. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ стали собираться въ Москву ратные люди. Начали прибывать и подручные князья.

Межъ тѣмъ пріѣхали послы отъ самого Мамаю, и потребовали у великаго князя того же выхода (дани), который Русь платила Ордѣ при ханѣ Узбекѣ, и той же покорности, какая была при старыхъ ханахъ. Димитрій собралъ на совѣтъ своихъ бояръ и подручныхъ князей. На совѣтѣ присутствовали и духовныя лица. (Но митрополита небыло: сербъ Кипріанъ, занявшій русскую митрополию послѣ святителя Алексѣя, тогда пребывалъ въ Киевѣ). Духовенство говорило, что подобаетъ утолить ярость Мамаеву великою данью и дарами, что бы не пролилась кровь христіанская и не были разрушены святыя храмы отъ невѣрныхъ. Эти совѣты уважены. Великій князь одарилъ татарское посольство и отпустилъ его назадъ: а вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ къ хану со многими дарами и съ мирными договорами собствен-

наго посла Захарія Тютчева, которому даны были два толмача, умѣющихъ говорить потатарски.

Плохая однако была надежда умиловить дарами злаго Татарина, и военныя приготовленія дѣятельно продолжались. По мѣрѣ того какъ увеличивалось собиравшееся въ Москву русское ополченіе, росло въ русскихъ людяхъ воинственное одушевленіе, росла охота помѣряться силами съ Татарскою ордою въ открытомъ полѣ и уничтожить въ конецъ ненавистное иго. Недавняя побѣда на Вождѣ была у всѣхъ въ свѣжей памяти. Восприняла древняя отвага въ русскомъ сердцѣ, воскресалъ духъ русской удали и молодечества, на время придавленный тяжелою судьбою. Вновь росло сознаніе русскаго народнаго единства и русской силы. Воинственное одушевленіе еще увеличивалось слухами о томъ, что злой Татаринъ-бѣсурманъ грозитъ и самой православною вѣрѣ.

Бодрость духа сказывалась также въ обычныхъ пиряхъ и попойкахъ, которыми сопровождалась сборы на войну. Великій князь и его бояре усердно угощали областныхъ князей и воеводъ, прибывавшихъ съ своими дружинами.

Былъ пиръ у боярина Николая Васильевича Вельяминова, который держалъ Коломенскую тысячу (т. е. былъ Коломенскимъ воеводою). На пиру въ числѣ другихъ князей присутствовалъ и Димитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Вдругъ прискакалъ гонецъ отъ Захарія Тютчева съ новыми недобрими вѣстями. Тютчевъ, достигнувъ Рязанскихъ предѣловъ, узналъ, что Мамай неотложно идетъ на Московскую землю, и что къ нему присталъ не только Ягайло Литовскій, но и Олегъ Рязанскій. Послѣдній измѣнилъ Димитрію и теперь сносится грамотами съ ханомъ и съ Ягайломъ черезъ своего боярина Епифана Карѣева. Олегъ приглашаетъ Ягайла подѣлать между собою Московскія волости; онъ же увѣряетъ Мамай, что Димитрій не отва-

жится выдти противъ Татаръ и убѣжить на сѣверъ въ самыя дальнія мѣста. Ханъ условился съ Ягайломъ и Олегомъ сойтись на берегахъ Оки на Семеновъ день, т. е. перваго сентября, что бы отсюда всѣмъ вмѣстѣ вступить въ Московскую землю.

Вѣсть объ измѣнѣ Олега Рязанскаго наполнила еще большею скорбію сердце великаго князя. Однако она нисколько не поколебала его рѣшимости и бодрости. На общемъ совѣтѣ положили ускорить приготовленія къ войнѣ, идти на встрѣчу Мамаю въ самыя степи, не дожидаясь его прихода въ Московскую землю, и, если можно, предупредить его соединеніе съ Ягайломъ и Олегомъ. Тѣмъ князьямъ и воеводамъ, которые не успѣли еще придти въ Москву или которымъ не подорогъ было заходить въ нее, Дмитрій послалъ гонцовъ съ грамотами, что бы шли прямо къ Коломнѣ; этотъ городъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ русскихъ ополченій. А между тѣмъ великій князь снарядилъ крѣпкую сторожу, т. е. конный развѣдочный отрядъ, подъ начальствомъ трехъ надежныхъ дружинниковъ: Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василя Тупика. Они должны были ѣхать въ Придонскую степь на Быструю Сосну подъ самую Орду Мамаеву, что бы «добыть языка,» т. е. захватить плѣнниковъ, отъ которыхъ можно было бы въ точности узнать о положеніи дѣлъ и намѣреніяхъ непріятеля.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ великій князь вѣстей отъ этихъ развѣдчиковъ; но время проходило; а отъ нихъ, какъ говорится, не было ни слуху, ни духу. Тогда Дмитрій снарядилъ вторую сторожу подъ начальствомъ Климента Поленина, Ивана Свяслова и Григорія Судока, и приказалъ имъ возвращаться какъ можно скорѣе. Дорогою эта вторая сторожа повстрѣчала Василя Тупика, который отряженъ былъ отъ первой сторожи напередъ съ добытымъ языкомъ, т. е. съ вѣстями. Развѣдчики пріѣхали въ Москву и донесли князю, что

Мамай несомнѣнно идетъ на Русь со всею своею Ордою, что великіе князья: Литовскій и Рязанскій дѣйствительно съ нимъ въ союзѣ, но что ханъ не спѣшитъ: съ одной стороны онъ поджидаетъ на помощь Ягайла съ Литвою, а съ другой ждетъ осени, когда на Руси поля будутъ убраны и Орда можетъ воспользоваться готовыми запасами. Молва прибавляла, что, уже собираясь на Русь, ханъ разослалъ по своимъ улусамъ такой наказъ: „не пашите землю и незаботьтесь о хлѣбѣ; будьте готовы на русскіе хлѣбы“.

Димитрій Ивановичъ повелѣлъ областнымъ полкамъ спѣшить подъ Коломну къ 15 августа, т. е. къ Успенскому дню. Но прежде нежели выступить въ дальній походъ, благочестивый вождь поѣхалъ взять благословеніе у святаго мужа.

II.

Святой игумень.

Въ шестидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Москвы, посреди глухихъ сосновыхъ и березовыхъ лѣсовъ, пріютилась иноческая обитель св. Троицы. Она въ тѣ времена еще не отличалась ни каменными, величественными строеніями, ни позлащенными главами богатыхъ храмовъ, ни многочисленною братіей; но уже была знаменита подвигами своего основателя и игумена Сергія Радонежскаго. Слава его суровой аскетической жизни и духовной прозорливости была уже такъ велика, что князья и бояре нерѣдко просили его молитвъ и благословенія; сами епископы и митрополиты (напр. св. Алексѣй) обращались къ нему за совѣтами и помощью.

Въ эту достославную обитель 18 августа пріѣхалъ Дмитрій Ивановичъ Московскій, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ князей, бояръ и многихъ своихъ отроковъ или *дворянъ*, дабы, по выраженію лѣтописи, „живоначальной Троицѣ помолиться и у игумена Сергія благословиться“. Надѣялся онъ конечно услышать отъ святаго мужа и какое либо пророческое слово.

Въ этотъ день церковь празднуетъ память свв. Фрола и Лавра. Отслушавъ обѣдню въ Троицкомъ храмѣ и

принявъ игуменское благословеніе, великій князь хотѣлъ ѣхать въ обратный путь, ибо время было дорого. Но преподобный упросилъ его остаться еще немного и вмѣстѣ съ своими спутниками раздѣлить скромную монастырскую трапезу.

Послѣ трапезы игумень сказалъ великому князю:

„Почти дарами и воздай честь нечестивому Мамаю; да, видѣвъ твое смиреніе, Господь Богъ вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость и гордость низложитъ“.

„Я уже сіе сотворилъ, отче — отвѣчалъ Дмитрій. — Но онъ наипаче съ великою гордостію возносится“.

„Если такъ — молвилъ преподобный, — то его ждетъ конечное погубленіе и запустѣніе; а тебѣ отъ Господа Бога и пречистыя Богородицы и святыхъ его будетъ помощь, и милость, и слава“.

Изъ числа монастырской братіи выдавались два инока своимъ высокимъ ростомъ, крѣпкимъ сложеніемъ и мужественнымъ лицомъ. Ихъ звали Пересвѣтъ и Ослябя; до поступленія въ монастырь они слыли богатырями, умѣли строить полки къ битвѣ и отличались ратными подвигами. Пересвѣтъ, въ міру носившій имя Александра, былъ знатнаго рода: онъ происходилъ изъ брянскихъ бояръ.

„Дай мнѣ сихъ двухъ воиновъ отъ твоего полку чернеческаго“ — сказалъ великій князь Сергію.

Преподобный ничего не возразилъ, и велѣлъ обонимъ братьямъ немедля изготовиться къ ратному дѣлу. Послушные иноки съ охотою исполнили повелѣніе игумена, и тотчасъ облеклись въ оружіе. Сергію далъ еще каждому изъ нихъ схиму съ нашитымъ на нее крестомъ для того, что бы возлагать поверхъ шлемовъ.

„Миръ вамъ, братія моя возлюбленная о Христѣ, Пересвѣте и Ослябя, постраждите яко доблїивъ воины Христовы; понеже пришло ваше время“.

И, обратясь къ Дмитрію, прибавилъ: „вотъ тебѣ, княже, мои оружники, а твои извольники“.

Отпуская гостей, игумень осѣнилъ крестомъ великаго князя и его спутниковъ, окропилъ освященною водою, и вновь сказалъ пророческимъ голосомъ:

„Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ; онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ супостатовъ и прославитъ тебѣ“.

Преподобный Сергій, хотя и строгій, отрекшійся отъ міра подвижникъ, былъ однако пламенный русскій патриотъ. Онъ горячо любилъ родину, и никому не уступалъ въ ревности къ ея освобожденію отъ постыднаго ига.

Вѣщія слова преподобнаго наполнили радостію и надеждою сердце великаго князя. Возвратясь въ Москву, онъ не медлилъ долѣе своимъ выступленіемъ.

*

Если мы вернемся съ небольшимъ за полтораста лѣтъ назадъ, и припомнимъ сборы южно-русскихъ князей въ походъ противъ Татаръ, тогда еще невѣдомыхъ враговъ, только что появившихся на предѣлахъ Руси, то увидимъ великую разницу. Въ то время наши князья, Мстиславъ Удалой Галицкій, Мстиславъ Кіевскій и другіе, гордые своими славными предками и своими храбрыми дружинами, привыкшіе къ побѣдамъ Руси надъ степными варварами, отправлялись въ степи шумно и весело; соперничали другъ съ другомъ, и спорили о томъ, кто старше; а нѣкоторые думали, какъ бы напасть на врага прежде другихъ, чтобы нераздѣлять съ ними побѣды и добычи. Гордость и строптивость ихъ была наказана жестокимъ пораженіемъ на берегахъ рѣчки Калки.

Теперь не то.

Наученные горькимъ опытомъ и смиренные тяжкимъ игомъ, сѣверно-русскіе князья, собравшіеся вокругъ Дмитрія Московскаго, цѣлорно и единодушно идутъ за своимъ вождемъ; они понимаютъ, что въ

ихъ единеніи заключается главная сила Русской земли. Самъ великій князь готовится къ дѣлу обдуманно и осторожно; призываетъ часто на совѣтъ князей и бояръ, неоднократно посылаетъ развѣдывать о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля; а главное, предпринимаетъ все не иначе какъ съ молитвою и съ благословеніемъ Церкви.

III.

П о х о д ъ.

20 августа яснымъ утромъ Московская рать выступала въ походъ. Димитрій Ивановичъ съ князьями и воеводами сначала горячо молился въ соборномъ Успенскомъ храмѣ; припадалъ здѣсь ко гробу св. Петра митрополита, и просилъ его о помощи противъ враговъ. Заступавшій митрополита епископъ служилъ наутственный молебенъ; осѣнилъ крестомъ великаго князя и его спутниковъ, и окропилъ ихъ священою водою. Изъ Успенскаго собора Димитрій перешелъ въ ближій храмъ архангела Михаила, и тамъ поклонился гробамъ своего отца Ивана и своего знаменитаго дѣда, также Ивана, прозваннаго Калитою. Затѣмъ онъ простился съ супругою и дѣтьми (Василіемъ и Юріемъ), сѣлъ на своего любимаго коня и выѣхалъ изъ Кремля къ войску. Оно запрудило все улицы и площади, прилегавшія къ Кремлю. Главная или отборная часть его выстроилась на Красной площади тыломъ къ Китайгороду, а лицомъ къ тремъ кремлевскимъ воротамъ, именно: Никольскимъ, Фроловскимъ (нынѣ Спасскимъ) и Константино-елепскимъ (ближніе къ Москвѣ-рѣкѣ). Посланные изъ Кремля священники и дьяконы съ хоругвями, иконами и освященною водою

обходили площадь, осѣняли крестами и кропили ратниковъ.

Полки представляли величественное зрѣлище. Воины и кони ихъ имѣли бодрый видъ; доспѣхи и оружіе ярко блистали на утреннемъ солнцѣ. Кольчатая желѣзная брони или стальные калантыри (панцырь изъ бляхъ), шлемы съ остроконечными верхушками (яловицами), продолговатые щиты, окрашенные въ любимый красный цвѣтъ, тугіе луки и колчаны со стрѣлами, острые копья, частью кривыя булатныя сабли, частью прямыя мечи— вотъ въ чемъ состояли доспѣхи и оружіе русскихъ воиновъ того времени. Надъ войскомъ во множествѣ развѣвались знамена на высокихъ древкахъ или такъ наз. „стяга“; а поднятые вверхъ копья имѣли подобіе цѣлаго лѣса. Наиболѣе нарядными, большею частію позолоченными, доспѣхами, и также яркими, сверху наброшенными плащами или приволоками отличались предводители русской рати, т. е. князья и воеводы. Изъ среды ихъ особенно выдавался самъ Димитрій Ивановичъ какъ своимъ великокняжескимъ облаченіемъ, такъ и мужественной, сановитою наружностію. Это былъ высокій, очень плотный, широкоплечій мужчина, темноволосый съ окладистою бородою и большими, умными глазами. Онъ находился еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья; ему было не болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Рядомъ съ нимъ выѣхалъ изъ Кремля его любимый двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ, который былъ еще моложе Димитрія. Вокругъ нихъ ѣхала свита изъ собравшихся въ Москву подручныхъ князей, каковы: Бѣлозерскіе Федоръ Романовичъ и Семень Михайловичъ, Андрей Кемскій, Глѣбъ Каргопольскій и Кубенскій, удѣльные князья Ростовскіе, Ярославскіе, Устюжскіе, Андрей и Романъ Прозоровскіе, Левъ Гурбскій, Андрей Муромскій, Юрій Мешерскій, Федоръ Елецкій, и другіе.

Все Московское населеніе высыпало на проводы ополченія. Женщины голосили, разставаясь съ своими мужъ

ями, братьями и родственниками. Великая княгиня Евдокія Дмитріевна съ супругою Владиміра Андреевича и другими княгинями и съ боярынями московскими у Кремлевскихъ воротъ дѣлали послѣдніе проводы отъѣзжающимъ. Въ слезахъ Евдокія не могла и слова вымолвить. Великій князь, смотря на нее, самъ едва не заплакалъ; однако удержался, что бы не подать приѣму слабости для воиновъ, и только короткими словами утѣшалъ супругу.

Остановясь передъ ратію, онъ сказалъ громко окружающимъ его: „Братія моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую, за святыя церкви и за землю Русскую!“

„Готовы сложить свои головы за вѣру Христову и за тебя, Государь великій князь“ — отвѣчали голоса изъ толпы.

Затѣмъ ударили въ бубны, затрубили въ трубы, и войско двинулось въ походъ. Во избѣжаніе тѣсноты, рать раздѣлилась, и пошла на Коломну тремя дорогами. Одну ея часть съ Владиміромъ Андреевичемъ великій князь отпустилъ на Брашево (на Бронницы), другую съ Бѣлозерскими князьями послалъ Болванскою дорогою, а третью самъ повелъ на Котель. Евдокія, княгини и боярыни взошли на высокій великокняжескій теремъ, и оттуда долго еще сквозь слезы смотрѣли въ южные окна черезъ Москву-рѣку и Замоскворѣчье на удаляющееся ополченіе, которое безконечною змѣей растянулось по дорогамъ. За войскомъ слѣдовалъ длинный обозъ съ съѣстными запасами и всякой походной рухлядью. Кромѣ того воины, по обычаю русскихъ походовъ, сложили на телѣги болѣе тяжелыя части своего вооруженія, т.-е. брони, щиты и т. п. А князья и бояре имѣли при себѣ еще особыя обозы и многочисленныхъ слугъ.

Семейство свое и городъ Москву великій князь на время отсутствія поручилъ воеводѣ Федору Андреевичу Ко-

былину. Онъ взялъ съ собою въ походъ изъ Москвы десять гостей—Сурожанъ, т.-е. русскихъ купцовъ ѣздившихъ по торговымъ дѣламъ въ Кафу, Сурожъ (Судакъ) и другіе крымскіе города, а также посѣщавшихъ и самую Золотую Орду. Эти бывалые люди хорошо знали южные пути, пограничные города и селенія, степные зимовники и кочевья Татаръ, и могли служить войску какъ надежными проводниками, такъ и опытными людьми для закупки и отысканія продовольствія и всякихъ другихъ потребныхъ вещей (родъ провіантской артели). Надобно полагать, что сіи русскіе люди оправдали довѣріе великаго князя, и хорошо служили войску; такъ какъ лѣтописи сохранили намъ всѣ ихъ имена: Василій Капица, Сидоръ Ельѣрьевъ, Константинъ Волковъ, Козьма Коверя, Семень Кортоносъ, Михайло Самаревъ, Тимошей Всеяковъ, Димитрій Черный, Дементій Сараевъ, Иванъ Шихъ.

*

24 августа великій князь достигъ города Коломны. Недоѣзжая нѣсколькихъ верстъ до города, на рѣчкѣ Сиверкѣ, при ея впаденіи въ Москву рѣку, встрѣтили великаго князя воеводы уже собравшихся здѣсь полковъ. Въ городскихъ воротахъ Димитрія ожидали коломенскій епископъ Герасимъ и священники съ крестами и иконами. На другой день послѣ заутрени происходилъ великокняжескій смотръ всему войску подъ Коломною на широкомъ лугу или такъ наз. Дѣвичьемъ полѣ; при чемъ собственно Московская дружина съ великокняжескимъ знаменемъ стояла въ какомъ-то саду Памфиловъ. При звукѣ воинскихъ трубъ и бубновъ Димитрій съ Владиміромъ Храбрымъ объѣзжалъ ряды войска, и сердце его радовалось, смотря на эту многочисленную, бодрую рать. Тутъ онъ раздѣлилъ все ополченіе на обычные четыре походные полка, и каждому назначилъ предводителей. Главный или великій полкъ онъ оставилъ

подъ личнымъ своимъ начальствомъ; въ свой полкъ помѣстилъ и удалыхъ князей Бѣлозерскихъ. Кромѣ собственной Московской дружины въ этомъ главномъ полку находились мѣстные воеводы, начальствовавшіе слѣдующими дружинами: Коломенскою тысячкѣй Николай Васильевичъ Вельяминовъ, Владимірскою князь Романъ Прозоровскій, Юрьевскою бояринъ Тимоѣей Валувичъ, Костромскою Иванъ Родіоновичъ Квашня, Переяславскою Андрей Серкизовичъ. Полкъ правой руки великій князь поручилъ двоюродному брату Владиміру Андреевичу Серпуховскому, и придалъ ему князей Ярославскихъ; подъ Владиміромъ воеводами были: бояре Данило Бѣлоусъ и Константинъ Кононовичъ, князья Ѳеодоръ Елецкій, Юрій Мещерскій и Андрей Муромскій. Лѣвая рука ввѣрена князю Глѣбу Брянскому; а передовой полкъ двумъ князьямъ, Дмитрію и Владиміру Всеволодовичамъ (Друцкимъ?).

Надобно полагать, что здѣсь великій князь окончательно убѣдился въ измѣнѣ Олега Рязанскаго, который до сей минуты хитрилъ и продолжалъ дружески сноситься съ Дмитріемъ. Вѣроятно это обстоятельство и побудило сего послѣдняго вмѣсто того, чтобы перейти Ову подъ Коломною и вступить во внутренніе предѣлы Рязанской земли, уклониться нѣсколько къ западу, чтобы ихъ миновать. Можетъ быть, принимая это направленіе, онъ также давалъ время присоединиться къ нему тѣмъ московскимъ отрядамъ, которые еще не успѣли собраться.

На слѣдующее утро послѣ помянутаго смотра князья и бояре отстояли обѣдню въ соборномъ Коломенскомъ храмѣ, благословились у владыки Герасима, и выступили въ дальнѣйшій походъ лѣвымъ побережьемъ Оки. Достигнувъ устья рѣки Лопасны, войско остановилось. Тутъ присоединился къ нему воевода Тимоѣей Васильевичъ Вельяминовъ; онъ привелъ тѣхъ ратниковъ, которые собрались въ Москвѣ уже послѣ выступленія ве-

ликого князя. Дмитрій выслушалъ здѣсь новыя вѣсти о положеніи своихъ непріятелей, и повелѣлъ войску въ этомъ мѣстѣ перевозиться за Оку. Когда окончилась переправа, онъ вновь сдѣлалъ смотръ всему ополченію, и вновь велѣлъ его сосчитать. Лѣтописцы наши очевидно преувеличиваютъ число русскаго войска, говоря, что насчитали болѣе 200,000 ратниковъ. Мы будемъ ближе къ истинѣ, если, по нѣкоторымъ соображеніямъ предположимъ, что ихъ было не менѣе *ста* и не болѣе *псалтоста* тысячъ. Во всякомъ случаѣ лѣтописцы совершенно вѣрно замѣчаютъ, что такой великой рати еще никогда не выставяла Русская земля. А между тѣмъ эта рать собрана была далеко не со всей Русской земли, но только во владѣніяхъ Московскаго великаго князя и подручныхъ ему мелкихъ удѣльныхъ князей Сѣверо-восточной Руси.

Ни одинъ изъ областныхъ князей того времени не принялъ участія въ столь славномъ предпріятіи, хотя Дмитрій всюду посылалъ гонцовъ съ грамотами. Князья эти или боялись Татаръ, или завидовали Москвѣ и не желали помогать усиленію своего соперника. Не говоря уже объ Олегѣ Рязанскомъ, великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ также не пришелъ на помощь Москвитянамъ. Даже собственный тесть Московскаго князя Дмитрій Константиновичъ Нижегородскій не только самъ не явился, но и совсѣмъ не прислалъ своихъ дружинъ зятю. Неявились также Смоленяне и Новгородцы. А Черниговцы, Кіевляне и Волинцы въ то время находились уже подъ властію Литовскою.

Дмитрій Ивановичъ однако не смущался безучастіемъ другихъ областей. Онъ только жалѣлъ, что у него мало пѣшей рати, которая при скоромъ походѣ не могла всегда поспѣвать за конницею. Поэтому онъ оставилъ у Лопасы помянутаго воеводу Тимофея Васильевича Вельяминова, чтобы тотъ собралъ всѣ оставшіе или разсыпавшіеся отряды, и въ порядкѣ при-

Крепичъ, Тынинъ, Горскій, Чириковъ, Карпъ Александровичъ и другіе, извѣстные своимъ удалствомъ и смѣлливостью. Имъ дано порученіе ѣхать подъ самую татарскую сторожу, наблюдать за непріателемъ и сообщать о немъ вѣрныя свѣденія. Очевидно развѣдочная часть (то что мы называемъ рекогносцировкой)—это необходимое условіе успѣха на войнѣ—составляла особую заботу главнаго предводителя Русской рати и его умныхъ совѣтниковъ.

IV.

Военный совѣтъ.—Примѣты.

Приблизясь къ Дону, Дмитрій Ивановичъ остановилъ полки, и расположился на мѣстѣ, называвшемся Березой, гдѣ и подождалъ отставшую пѣшую рать. Тутъ явились къ нему дворяне Петръ Горскій и Карпъ Александровичъ, присланные бояриномъ Меликомъ съ добытымъ языкомъ, т. е. съ захваченнымъ въ пѣнь татаринномъ, который оказался изъ свиты самого Мамаю. Подъ угрозой жестокой пытки начали допрашивать его, и узнали слѣдующее. Мамай стоитъ уже на Кузьминой гати; но подвигается впередъ медленно; ибо все ожидаетъ Олега Рязанскаго и Ягайла Литовскаго; о близости Дмитрія Московскаго онъ пока не вѣдаетъ, полагаясь на грамоты Олега, который увѣрялъ его, что Московскій князь не отважится выдти на встрѣчу. Однако можно было полагать, что дня черезъ три Мамай перейдетъ на лѣвую сторону Дона.

Въ тоже время пришли вѣсти и съ другой стороны: Ягайло, шедшій съ литовскимъ войскомъ на соединеніе съ Мамаемъ, стоялъ уже на берегахъ рѣки Упы у Одоева. Только объ Олегѣ Рязанскомъ не имѣлось никакихъ положительныхъ свѣденій; неизвѣстно было, что онъ

намѣревался предпринять, и, даже, гдѣ онъ тогда находился. Москвитяне проклинали его какъ измѣнника и предателя Русской земли. Но послѣднее было не совсемъ справедливо. Рязанскій князь хлопоталъ главнымъ образомъ о собственной землѣ; старался избавить ее отъ новаго нашествія татарскихъ полчищъ; а потому изъ-являлъ притворную преданность Мамаю и сносился съ Ягайломъ. Но въ самомъ дѣлѣ онъ подъ разными предложениями не шелъ къ нимъ на соединеніе, и не давалъ ни тому, ни другому вѣрныхъ извѣстій о походѣ Московскаго князя. Вѣроятно Олегъ и самъ не зналъ, къ какой сторонѣ окончательно пристать и на что рѣшиться въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Но какъ бы то ни было, по нѣкоторымъ признакамъ, онъ именно способствовалъ тому, что Мамай медлил за Дономъ, а Ягайло потерялъ много времени у Одоева.

Димитрій Ивановичъ началъ совѣщаться съ князьями и воеводами.

Гдѣ давать битву?—спрашивалъ онъ—Дождать ли Татаръ на сей сторонѣ Дона или перевозиться на ту сторону?

Мнѣнія раздѣлились. Нѣкоторые голоса склонялись къ тому, чтобы не переходить рѣку и не оставлять у себя въ тылу Литву и Рязанцевъ; въ случаѣ неудачи легче будетъ отступить и уйти въ свою землю. Но другіе были противнаго мнѣнія, въ томъ числѣ и братья Ольгердовичи, которые съ особою убѣдительностію настаивали на немедленной переправѣ за Донъ.

„Если останемся здѣсь—разсуждали они,—то дадимъ мѣсто малодушію. А если переведемся на ту сторону Дона, то крѣпкій духъ будетъ въ воинствѣ твоемъ. Зная, что отступить и бѣжать некуда, что остается только побѣдить или лечь костью, войны будутъ сражаться мужественно. А что языки (вѣсти) страшатъ насъ несмѣтною Татарскою силою, то не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ.“ Приводили также Димитрію извѣстные по лѣтописямъ примѣры его славныхъ предковъ: такъ

еще близокъ къ своимъ верховьямъ, и не отличается ни шириною, ни глубиною своего теченія.

Распоряженія эти оказались вполне благовременны, и болѣе нельзя было терять ни одной минуты. Къ великому князю прискакалъ со своей сторожей Семичъ Меликъ, и доложилъ, что онъ уже бился съ передовыми татарскими наѣздниками, и что они гнались за нимъ до большой русской рати; что самъ Мамай уже на Гусяномъ броду; онъ теперь знаетъ о приходѣ Димитрія, и слѣшитъ къ Дону, чтобы загородить Русскимъ переправу до прибытія Ягайла. О послѣднемъ также получилось извѣстіе, что онъ уже двинулся отъ Одоева на встрѣчу Мамаю.

„Сіи на колесницахъ и на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ“ — повторялъ Димитрій изъ псалма Давидова, ободряя окружавшихъ его воиновъ.

Къ ночи русская рать успѣла переправиться за Донъ, и расположилась на лѣсистыхъ холмахъ при впаденіи въ него рѣки Непрядвы. За этими холмами лежало широкое десятиверстное поле, называвшееся *Куликовымъ*; посреди его протекала рѣчка Смолка, къ верховьямъ которой съ обѣихъ сторонъ шли отлогіе спуски. За этой то рѣчкой, на противоположныхъ возвышеніяхъ разбила свой станъ орда Мамаева, который пришелъ сюда въ тоже время, но уже къ ночи, и такимъ образомъ не успѣлъ помѣшать русской переправѣ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ поля, на такъ называемомъ Красномъ холмѣ, поставленъ былъ шатеръ самаго хана; а около него располагались ставки его ближнихъ воеводъ или темниковъ. Окрестности Куликова поля представляли пересѣченную, овражистую мѣстность, были покрыты кустарникомъ и рощами, а отчасти дѣбрами, т. е. лѣсными зарослями на влажныхъ мѣстахъ.

*

Въ числѣ главныхъ воеводъ у Димитрія Ивановича находился нѣкто Димитрій Боброкъ, волынской бояринъ.

Въ тѣ времена Москва привлекала къ себѣ большое количество выходцевъ изъ другихъ русскихъ земель. Многіе бояре и дружинники, тяготясь жить въ областяхъ, слишкомъ угнетаемыхъ Татарами, или не желая оставаться въ краяхъ покоренныхъ Литвою, уходили съ родины въ Москву, уже славную между русскими землями, поступали на службу къ великому князю Московскому, и получали отъ него помѣстья и жалованье. Особенно приходили многіе бояре и дворяне изъ Сѣверской и Черниговской земли, а также изъ земли Волынской. Это были люди большею частію предприимчивые, опытные и усердные. Къ такимъ то выходцамъ принадлежалъ и Димитрій Боброкъ. (Св. Петръ митрополитъ былъ также родомъ съ Волыни, а св. Алексій митрополитъ происходилъ изъ Черниговскихъ бояръ). Боброкъ уже успѣлъ отличиться нѣсколькими побѣдами, предводительствуя полками великаго князя Московскаго въ его войнахъ съ сосѣдями, и вообще слылъ человѣкомъ очень искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ, даже знахаремъ. Онъ умѣлъ гадать по разнымъ знаменіямъ, и вызвался показать великому князю примѣты, по которымъ можно узнать судьбу предстоящаго сраженія.

Ночь была теплая и тихая,

Великій князь и Димитрій Боброкъ сѣли на коней, выѣхали на Куликово поле, стали между обѣихъ ратей, и, обратясь лицомъ къ Татарамъ, начали прислушиваться. До нихъ доносились великій кличъ и стукъ, какъ будто происходило шумное торжище или городъ строили и въ трубы звучали. Позади татарскаго стана слышалось завываніе волковъ; на лѣвой сторонѣ, носясь въ воздухѣ, клеттали орлы и граяли вороны; а на правой сторонѣ, надъ рѣкою Непрядвою, вились стаи гусей, лебедей и утокъ, и трепетно плескали крыльями, какъ бы передъ страшною бурей.

„Что слышалъ еси, господине княже?“ — спросилъ Волынецъ.

„Слышалъ, брате, страхъ и грозу велию“—отвѣчалъ Димитрій.

„Обратись, княже, на полки русскіе“.

Димитрій повернулъ коня. На русской сторонѣ была тишина великая.

„Что, господине, слышишь?“—переспросилъ Боброкъ.

„Ничего не слышу—замѣтилъ великій князь;—только видѣлъ я будто зарево исходящее отъ многихъ огней“.

„Господине княже, благодари Бога, пречистую Богородицу, великаго чудотворца Петра и всѣхъ святыхъ—молвилъ Боброкъ:—огни суть доброе знаменіе. Призывай Господа Бога на помощь и не оскудѣвай вѣрою“.

„Есть у меня еще примѣта“—сказалъ онъ;—сошелъ съ коня, и припалъ къ землѣ правымъ ухомъ. Долго прислушивался онъ; потомъ всталъ, и понурилъ голову.

„Что же, брате, повѣдай миѣ, какова примѣта?“—спросилъ Димитрій.

Воевода не отвѣчалъ ни слова, и былъ печаленъ, даже заплакалъ. Слезы эти смутили великаго князя, и онъ усиленно просилъ рассказать примѣту. Боброкъ наконецъ заговорилъ:

„Господине княже, скажу тебѣ единому; ты же никому не повѣдай. То двѣ примѣты: одна тебѣ на велию радость, а другая на велию скорбь. Слышалъ я землю горько и страшно плачущую надвое: на одной сторонѣ будто женщина кричитъ татарскимъ голосомъ о чадахъ своихъ, и бьется, проливая токи слезъ; а на другой сторонѣ будто дѣвица плачетъ и вопить свирѣльнымъ голосомъ въ великой скорби и печали. Много я тѣхъ примѣтъ испыталъ и во многихъ битвахъ бывалъ. Уповай на милость Божию: ты одолѣешь поганыхъ Татаръ; но воинства твоего христіанскаго падеть многое множество“.

Димитрій въ свою очередь прослезился при этихъ словахъ, и сказалъ: „Да будетъ воля Господня“. Онъ

объщалъ никому не говорить о знаменіяхъ, чтобы не смутить сердца воиновъ.

Дѣйствительно, въ эту ночь волки страшно выли, и было ихъ такое множество, какъ будто сбѣжались со всей вселенной. Всю ночь также слышались граяніе вороновъ и клектанье орловъ. Хищные звѣри и птицы какъ бы чуяли близкое кровопролитіе и запахъ многочисленныхъ труповъ.

V.

Куликовская битва.

Утро 8 сентября было очень туманно: густая мгла мѣшала видѣть движеніе полковъ; только на обѣихъ сторонахъ поля раздавался звукъ воинскихъ трубъ. Но часу въ 9-мъ туманъ началъ разсѣиваться, и солнце освѣтило русскіе полки, строившіеся въ боевой порядокъ. Полки эти уже выдвинулись впередъ, и заняли такое положеніе, что правымъ бокомъ они упирались въ овраги и дебри рѣчки Нижняго Дубина, впадающей въ Непрядву, а лѣвымъ въ крутояре Смолки, тамъ, гдѣ она дѣлаетъ сѣверный заворотъ. На правомъ крылѣ Дмитрій поставилъ братьевъ Ольгердовичей, а князей Бѣлозерскихъ помѣстилъ на лѣвомъ. Пѣхота большею частію была выставлена въ передовой полкъ. Этимъ полкомъ по прежнему начальствовали братья Всеволодовичи; къ нему же присоединились бояринъ Николай Васильевичъ Вельяминовъ съ Коломенцами и Семень Мелигъ съ своимъ сторожевымъ отрядомъ. Въ большемъ или среднемъ полку подъ самымъ великимъ княземъ воеводствовали Глѣбъ Брянскій и великій московскій бояринъ Тимофей Васильевичъ Вельяминовъ. Кромѣ того Дмитрій отрядилъ еще запасный или засадный полкъ (что теперь назы-

вается главный „резервъ“), который поручилъ брату Владимиру Андреевичу и помянутому волынскому боярину Дмитрію Михайловичу Боброку. Этотъ конный полкъ сталъ въ засаду за лѣвѣмъ крыломъ въ густой дубравѣ надъ рѣкою Смолкою, такъ что онъ былъ совершенно скрытъ отъ взоровъ непріятеля. Выборъ мѣста для этого полку обнаруживалъ весьма проницательный воинскій взглядъ. Онъ былъ помѣщенъ такимъ образомъ, что могъ легко подкрѣпить сражающихся, а кромѣ того прикрывалъ обозы и сообщеніе съ мостами наведенными на Дону, т. е. единственный путь отступленія въ случаѣ неудачи.

Устроивъ полки, великій князь на своемъ борзомъ конѣ объѣзжалъ ряды воиновъ, и говорилъ имъ: „Возлюбленные отцы и братія, Господа ради и пречистыя Богородицы и своего ради спасенія подвизайтесь за православную вѣру и за братію нашу“. Бодрость и мужество свѣтились на лицахъ русскихъ ратниковъ; воинственные клики слышались въ отвѣтъ на этотъ призывъ.

На челѣ великаго или главнаго полку стояла собственная дружина великаго князя и развѣвалось его большое черное знамя съ вышитымъ на немъ ликомъ Спасителя. Дмитрій сошелъ съ богатоубраннаго коня, снялъ съ себя златотканый плащъ или великокняжью приволоку; возложилъ ее на любимца своего боярина Михаила Андреевича Бренка, посадилъ его на своего коня, и велѣлъ носить передъ нимъ большое черное знамя. А самъ покрылся сверхъ брони простымъ плащемъ и пересѣлъ на другаго коня. Онъ вынулъ изъ запазухи крестъ съ заключенною въ немъ частицею Животворящаго древа, приложился къ нему, вкусилъ освященную просфору игумна Сергія, и, творя молитву, поѣхалъ въ сторожевой полкъ, что бы впереди его собственноручно ударить на враговъ.

Тщетно князья и воеводы удерживали его.

„Тебѣ подобааетъ стоять особо отъ битвы — говорили они, — и смотрѣть на сражающихся, а потомъ честить и

жаловать оставшихся въ живыхъ и творить память по убиеннымъ. Если же тебя, Государя, лишимся, то подобимся стаду овецъ безъ пастыря; придутъ волки и распугаютъ насъ“.

„Братія моя милая, — отвѣчалъ Дмитрій — добрые ваши рѣчи и похвалы достойныя. Но если я вамъ глава, то впереди васъ хочу и битву начать. Умру или живъ буду, вмѣстѣ съ вами“.

Часовъ въ одиннадцать утра съ противоположныхъ холмовъ двинулась татарская рать на встрѣчу русской. Оба воинства стали спускаться къ лощинѣ, откуда брала свое начало рѣчка Смолка, т. е. къ серединѣ Куликова поля. Страшно было смотрѣть на эти двѣ грозныя силы, шедшія другъ на друга. Видъ ихъ былъ неодинаковъ. Русское воинство отличалось червленными щитами и свѣтлыми доспѣхами, сіявшими на солнцѣ; а татарское отъ своихъ темныхъ щитовъ и сѣрыхъ кафтановъ издали походило на чернуютучу. Передняя татарская рать въ средней своей части также какъ и русская состояла изъ пѣхоты (вѣроятно наемной или союзнической). Она двигалась густою колонною; при чемъ задніе ряды клали свои копья на плеча переднихъ; у послѣднихъ онѣ были короче, а у заднихъ длиннѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, обѣ рати вдругъ остановились. Тутъ съ татарской стороны выѣхалъ воинъ огромнаго роста, подобный древнему Голиафу, чтобы по обычаю тѣхъ временъ начать битву единоборствомъ и своимъ примѣромъ поощрить войско. Онъ былъ изъ знатныхъ людей, и назывался Темиръ-Мурза.

Увидѣвъ его много Пересвѣтъ, вмѣстѣ съ Осябемъ шедшій также въ передовомъ полку, и сказалъ воеводамъ: „сей человекъ себѣ подобнаго ищетъ; я хочу съ нимъ видѣться“. „Отцы и братія, — воскликнулъ онъ, — простите меня грѣшнаго; брате Осябе, моли за меня Бога! Преподобный отецъ игуменъ Сергій помоги мнѣ молитвою своею“. И затѣмъ съ копьемъ въ рукѣ поска-

калъ на врага, имѣя на шлемѣ Сергіеву схиму съ крестомъ. Завидѣвъ его, Татаринъ, понесся ему на встрѣчу. Противники ударили другъ на друга съ такою силою, что кони ихъ упали на колѣна; а сами они мертвыми поверглись на землю.

Тогда обѣ рати ринулись въ битву, Русскіе, призывая на помощь Господа и Богородицу, а Татары Аллаха и Магомета. Дмитрій показалъ примѣръ мужества и воинской отваги. Онъ перемѣнилъ нѣсколько коней, сражаясь въ передовомъ полку; когда же обѣ передовыя рати смѣшались, отѣхалъ къ великому полку. Но дошелъ чередъ до сего послѣдняго, и онъ опять принялъ личное участіе въ битвѣ. А противникъ его ханъ Мамай съ своими ближними темниками и тѣлохранителями наблюдалъ сраженіе съ вершины Краснаго холма.

Скоро мѣсто, гдѣ сошлись обѣ рати сдѣлалось до того тѣснымъ, что ратники задыхались въ густой свалкѣ. Разступиться въ сторону было некуда; съ обонхъ боковъ препятствовало тому свойство мѣстности. Такой страшной битвы никто изъ Русскихъ и не помнитъ. По выраженію нашихъ лѣтописей, „копья ломались какъ солома, стрѣлы падали дождемъ, пыль закрывала солнечные лучи, мечи сверкали молвіями, а люди падали какъ трава подъ косою, кровь лилась какъ вода и текла ручьями“. Битва была по преимуществу рукопашная, слѣдовательно самая кровопролитная. Въ тѣснотѣ войны схватывали противника лѣвою рукою, а правою рубили его или кололи. Многіе умирали подъ конскими копытами. Но и кони едва могли двигаться отъ множества труповъ, которыми въ самое короткое время покрылось поле битвы. Полки смѣшались другъ съ другомъ: въ одномъ мѣстѣ одолевали Татары, въ другомъ Русскіе. Ржаніе и топотъ коней, влики сражавшихся, трескъ оружія и стоны раненныхъ производили такой шумъ, что воеводы передней рати тщетно пытались водворять порядокъ; никто

ихъ не слышалъ; да и сами они большею частію скоро пали геройскою смертію.

Пѣшая русская рать уже полегла костью. Пользуясь своимъ превосходствомъ въ числѣ и смертію многихъ русскихъ вождей, Татары разстроили наши передніе полки, и стали теперь напирать на главную рать, т. е. на полки Московскій, Владимірскій и Суздальскій. Тутъ нѣкоторые молодые, неопытные Москвичи подались назадъ и произвели замѣшательство, такъ что толпа Татаръ прорвалась къ большому знамени, подрубила у него древко и убила боярина Бренка, принявъ его за великаго князя. Но Глѣбъ Брянскій, Тимошей Васильевичъ и другіе воеводы успѣли восстановить порядокъ и опять сомннуть большой полкъ. Между тѣмъ на правой рукѣ Андрей Ольгердовичъ одолевалъ Татаръ; но онъ не дерзалъ гнаться за неприятелемъ, чтобы не отдаляться отъ большаго полку, который не подвигался впередъ. На послѣдній навалило сильное Татарское полчище, и пыталось его прорвать, но тщетно; хотя и тутъ многіе воеводы, старавшіеся служить примѣромъ для воиновъ, уже были убиты.

Мы видѣли, что Димитрій и его опытные помощники, знакомые съ татарскою тактикой и очевидно хорошо освѣдомленные о мѣстности, поставили полки такимъ образомъ, что Татары не могли ихъ охватить ни съ какой стороны. Слѣдовательно имъ оставалось только одно: гдѣ либо прорвать русскій строй и тогда уже ударить ему въ тылъ. Видя неудачу въ центрѣ, они съ особою яростью устремились на лѣвое наше крыло, куда ихъ начальники и направили свои подкрѣпленія. Здѣсь нѣкоторое время кипѣлъ самый ожесточенный бой. Наконецъ, когда начальствовавшіе лѣвымъ полкомъ князья Бѣлозерскіе всѣ пали смертію героевъ, этотъ полкъ замѣшался, и сталъ все болѣе и болѣе подаваться назадъ подъ напоромъ враговъ. Теперь большому полку угрожала опасность быть обойденнымъ съ боку и съ тыла;

все Русское войско такимъ образомъ было бы отрѣзано отъ Донскаго пути, приперто къ Непрядвѣ и подверглось бы истребленію. Недаромъ Татары устремили главныя свои усилія на лѣвое наше крыло, а не на правое. Ихъ воеводы конечно знали, въ какой сторонѣ находилось самое чувствительное мѣсто Русскаго войска. Уже раздавались неистовое гиканье и побѣдные клики Татаръ. Но тутъ то и сказалась замѣчательная предусмотрительность въ приготовленіи и расположеніи нашего засаднаго полка.

*

Уже давно князь Владиміръ Андреевичъ и воевода Дмитрій Вслынецъ изъ своей засады съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за битвою, съ помощью нѣсколькихъ воиновъ взобравшихся на деревья. Сердце горѣло у молодого князя, и онъ рвался въ бой, особенно когда видѣлъ, что Татары въ какомъ либо мѣстѣ начинали одолевать Русскихъ. Нетерпѣніе его раздѣляли и многіе другіе пылкіе юноши. Но опытный воевода сдерживалъ ихъ пылкость.

„Какая польза отъ нашего стоянія? Кому мы будемъ помогать послѣ, когда уже будетъ поздно“?—наконецъ стали ворчать болѣе нетерпѣливые, особенно при извѣстіи, что Татары начали тѣснить наше лѣвое крыло.

„Подождите еще немного, несносныя вы Русскія дѣти—бранилъ ихъ Боброкъ.—Будетъ еще вамъ съ кѣмъ тѣшиться, пить и веселиться“.

Жестокая битва длилась уже часа два, и дѣйствительно требовалось большое терпѣніе смотрѣть на нее и оставаться въ бездѣйствіи, не летѣть на помощь своимъ. Доселѣ Татарамъ помогало еще то обстоятельство, что солнечный свѣтъ ударялъ Русскимъ прямо въ очи, и вѣтеръ дулъ имъ въ лицо. Но вотъ мало по малу солнце зашло сбоку, а вѣтеръ вдругъ потянулъ въ другую сторону. Въ тоже время уходящее въ беспоряд-

лѣвое русское крыло и гнавшая его татарская рать поравнялись съ той самой дубровой, гдѣ стоялъ засадный полкъ.

„Теперь и нашъ часъ приспѣлъ!—воскликнулъ Волынецъ Боброкъ—Держайте братія и други. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“!

„Какъ соколы на журавлиное стадо“, такъ устремилась русская засадная дружина на Татаръ, и ударила имъ въ бокъ и въ тылъ. Это неожиданное нападеніе свѣжаго войска сильно смутило враговъ, утомленныхъ долгою битвою и потерявшихъ свой воинскій строй. Они скоро были совершенно разбиты и разсѣяны.

Межъ тѣмъ Димитрій Ольгердовичъ, предусмотрительно помѣщенный съ своимъ отрядомъ за большимъ полкомъ (т. е. въ резервъ), успѣшилъ закрыть его бокъ, открывшійся съ отступленіемъ лѣваго крыла, и такимъ образомъ главная татарская сила, продолжавшая наступать на большой русской полкъ, не успѣла его разстроить. Теперь же, когда значительная часть непріятельскаго войска была разсѣяна, и засадная дружина подоспѣла на помощь главной рати, послѣдняя двинулась впередъ. Русская стойкость и здѣсь взяла верхъ. Татары, горячо нападавшіе въ началѣ боя, успѣли уже утомиться; а пораженіе ихъ праваго [крыла и появленіе свѣжаго русскаго полка окончательно лишили ихъ бодрости. Главная ихъ рать дрогнула, и стала отходить назадъ.

На спускѣ Краснаго Холма, подкрѣпленные послѣдними ханскими силами, Татары около своихъ таборовъ приостановились и вновь вступили въ бой. Но не надолго. Русскіе неудержимо ломили впередъ и охватывали враговъ со всѣхъ сторонъ. Все татарское полчище обратилось наконецъ въ дикое бѣгство. Самъ Мамай и его ближніе мурзы на свѣжихъ, быстрыхъ коняхъ поскакали въ степь, оставивъ свой станъ со множествомъ всякаго добра въ добычу побѣдителямъ.

Русскіе конные отряды, посланные въ погоню за Та-

тарами, гнали и били ихъ до самой рѣки Мечи, слѣдовательно на разстояніи приблизительно сорока верстъ; причемъ захватили множество верблюдовъ, навьюченныхъ разнымъ имуществомъ, а также цѣлыя стада рогатаго и мелкаго скота; въ этихъ стадахъ, какъ извѣстно, заключалось главное богатство кочеваго Татарскаго народа.

VI.

Побѣдители.—Благочестивыя легенды.

«Но гдѣ же великій князь? Гдѣ первоначальникъ нашей славы?»—спрашивали другъ друга оставшіеся въ живыхъ князья и воеводы.

Особенно беспокоился братъ и другъ Дмитрія Владиміръ Андреевичъ. Онъ «сталъ на костяхъ», т. е. на полѣ битвы, подъ большимъ чернымъ знаменемъ, и велѣлъ трубить сборъ. Когда воинство сошлось около него, Владиміръ началъ спрашивать, кто послѣдній видѣлъ великаго князя. Нѣкоторые говорили, что видѣли его сильно раненаго и что вѣроятно онъ лежитъ гдѣ-нибудь между трупами; кто то сообщилъ, что встрѣтилъ его крѣпко оборонявшагося отъ четырехъ татаръ и уходившаго отъ нихъ. Князь Стефанъ Новосмльскій рассказывалъ, какъ видѣлъ Дмитрія пѣшаго и отъ ранъ едва идущаго съ побойща, но не могъ помочь ему, потому что самъ въ это время отбивался отъ трехъ татаръ. Всѣ эти рассказы не объясняли главнаго: куда же дѣвался великій князь? Тогда Владиміръ Андреевичъ во всѣ стороны разослалъ дружинниковъ искать его, и обѣщалъ большую награду тому, кто найдетъ его живаго.

Воины разсыпались по Куликову полю, и начали прилежно осматривать лежавшіе повсюду кучи труповъ. Нѣкоторые увидали на убитомъ великокняжю приволоку, и думали, что нашли Дмитрія; но это оказался бояринъ Бренкъ; другіе за великаго князя приняли было Федора Семеновича Бѣлозерскаго, который былъ похожъ на него; третьи пашли павшаго коня и нѣсколькихъ слугъ Дмитрія; но самаго его не было видно. Наконецъ два востромича, по имени Федоръ Сабуръ и Григорій Хлопнищевъ, уклонясь нѣсколько на правую сторону поля, къ какой-то дубравѣ усмотрѣли великаго князя лежащаго подъ вѣтвями вповь срубленнаго дерева; они соскочили съ коней, подошли къ нему, и убѣдились, что онъ живъ. Хлопнищевъ остался при немъ, а Сабуровъ поскакалъ съ радостною вѣстію къ Владимиру Андреевичу. Всѣ князья и бояре послѣшили на указанное мѣсто, сошли съ коней и поклонились до земли великому князю.

„Братъ мой милый, великій княже Дмитрій Ивановичъ, Слава Господу Богу нашему Іисусу Христу и пречистой Его Матери! Молитвами и помощью угодниковъ Божіихъ мы побѣдили своихъ супостатовъ!“

„Кто глаголетъ сія?“—проговорилъ Дмитрій, открывая глаза.

„Это я, братъ твой Владимиръ; возвѣщаю тебѣ, что Богъ явилъ тебѣ милость, даровавъ побѣду надъ врагами“.

Обрадованный Дмитрій съ трудомъ всталъ на ноги, и то при помощи другихъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены; когда ихъ сняли, то не нашли у великаго князя никакой смертельной раны, ибо крѣпкіе доспѣхи защитили его отъ острия мечей и копій. Но тѣло его было покрыто язвами и ушибами. Имѣя въ виду значительную тучность Дмитрія, мы поймемъ, до какой степени онъ былъ утружденъ продолжительною битвою, и какъ былъ оглушенъ ударами, большая часть которыхъ

пришлась по головѣ, плечамъ и животу, особенно когда онъ лишился коня и пѣшій отбивался отъ враговъ. Надобно еще удивляться тому, что онъ, будучи отрѣзанъ отъ своихъ, имѣлъ довольно силы добраться до срубленнаго дерева, прежде нежели упалъ безъ чувствъ подъ его вѣтвями. Отвага Дмитрія Ивановича и желаніе его лично начать битву съ врагами, подобно удачнымъ древнерусскимъ князьямъ, которые обыкновенно бились на челѣ своихъ дружинъ — эта отвага едва не стоила ему жизни, и едва не обратила радость отъ побѣды въ скорбь и печаль. А если отсутствіе великаго князя въ послѣднія критическія минуты боя не помѣшало нашей побѣдѣ, то этимъ Русь была обязана, во-первыхъ, тому же Дмитрію Ивановичу, который своими умными мѣрами и распоряженіями, особенно устройствомъ засаднаго полка, приготовилъ торжество русскаго оружія. Во-вторыхъ, побѣда досталась намъ потому, что большая часть русскихъ воиновъ, отъ князей и бояръ до простыхъ ратниковъ, свято исполнила свой долгъ, и не только поддержала древнюю славу русскаго имени, но и грядущимъ поколѣніямъ оставила высокій примѣръ доблести и любви къ родинѣ.

Наступала уже ночь. Дмитрія Ивановича посадили на коня, и отвезли въ его шатеръ. Владиміръ Андреевичъ приказалъ весело трубить въ трубы, что бы все воинство узнало и возрадовалось о сохраненіи великаго князя.

Слѣдующій день былъ воскресный. Дмитрій прежде всего помолился Богу и возблагодарилъ его за побѣду; потомъ выѣхалъ къ воинству, хвалилъ его подвиги и обѣщалъ каждому награждать по заслугамъ. Затѣмъ съ князьями и боярами онъ началъ объѣзжать Куликово поле и осматривать побоище. Печально и ужасно было зрѣлище поля, покрытаго тучами труповъ и лужами запекшейся крови. Христіане и Татары лежали смѣшавшись другъ съ другомъ. Дмитрій безъ слезъ не могъ смотрѣть на павшихъ своихъ воиновъ. Особенно плакалъ онъ, когда

наѣзжалъ на трупы княжескіе и боярскіе. Князья Бѣлозерскіе, Ѳедоръ Романовичъ, сынъ его Иванъ и племянникъ Семень Михайловичъ, лежали вкупѣ съ нѣкоторыми своими родичами и многими дружинниками; видно было, какъ крѣпко стояли они другъ за друга и какъ всѣ пали героями. Считая съ Бѣлозерскими, вообще пало до пятнадцати русскихъ князей и княжатъ, въ томъ числѣ два брата князя Тарусскіе и Дмитрій Монастыревъ.

Проливалъ слезы великій князь надъ трупами своего любимца Михаила Андреевича Бренка и большихъ своихъ бояръ Микулы Васильевича и Тимоея Васильевича Вельяминовыхъ. Въ числѣ убитыхъ находились также: Семень Меликъ, Валуи Окатьевичъ, Иванъ и Михаилъ Акнифовичи, Андрей Сергизовъ, Андрей Шуба, Иванъ Александровичъ, Левъ Морозовъ, Тарасъ Шатневъ, Дмитрій Мининъ и многіе другіе бояре и дворяне великаго князя.

Проѣзжая мимо тѣлъ Пересвѣта и его противника татарскаго богатыря, великій князь сказалъ окружающимъ:

„Видите, братія, пачальника битвы; онъ побѣдилъ подобнаго себѣ, отъ котораго многимъ пришлось бы пить чашу смертнѹю.“

Инокъ Ослябя также былъ въ числѣ павшихъ.

Смотря на великое множество убитыхъ христіанъ и еще большее количество Татаръ, Дмитрій Ивановичъ, обратился къ Волюнцу Боброку съ словами:

„Брате Дмитрій, востану разумливъ еси, и неложна примѣта твоя! Подобаеть тебѣ всегда быти воеводою.“

Великій князь велѣлъ воинамъ отдѣлять по возможности христіанскія тѣла отъ татарскихъ, и первыхъ предавать землѣ священникамъ съ обычными молитвами. Восемь дней оставался онъ еще близъ мѣста битвы, давая время войску погребсти своихъ братій, отдохнуть и придти въ порядокъ. Между прочимъ онъ приказалъ сосчитать число оставшейся рати. Сосчитали, и нашли

на лицо только сорокъ тысячъ человѣкъ; слѣдовательно гораздо болѣе половины выступившей въ походъ рати пришлось на долю убитыхъ, раненыхъ, процавшихъ безъ вѣсти и малодушныхъ, погнувшихъ свои знамена.

Межь тѣмъ Ягайло Литовскій 8 сентября только на одинъ день пути находился отъ мѣста битвы. Когда же до него достигла вѣсть о побѣдѣ Дмитрія Ивановича Московскаго, то онъ пошелъ назадъ такъ послѣшно, какъ будто за нимъ кто нибудь гнался, хотя Дмитрій и недумалъ его преслѣдовать. Тутъ только Ягайло догадался, что позволилъ себя обмануть своему мнимому другу Олегу Рязанскому, который сообщалъ ему невѣрныя свѣденія о Дмитрѣй Московскомъ. „Никогда Литва не была учима отъ Рязани — говорилъ Ягайло; — зачѣмъ же я нынѣ впалъ въ такое безуміе“!

*

При извѣстной набожности Дмитрія Ивановича Московскаго и горячемъ участіи въ его предпріятіи противъ Мамал со стороны такихъ пастырей Русской церкви какъ Сергій Радонежскій, естественно, сказанія о Куликовской побѣдѣ тогда же были украшены разными благочестивыми легендами о видѣніяхъ и чудесахъ. Въ особенности эта побѣда приписывалась невидимой помощи древнихъ князей мучениковъ, Бориса и Глѣба, святыхъ заступниковъ Русскаго княжескаго дома и всей Русской земли.

Повторилось сказаніе, подобное тому, которымъ украсилась побѣда Александра Невскаго надъ Шведами. А именно:

Въ русскомъ войскѣ находился нѣкто Фома Хаберцевъ. Онъ прежде былъ знаменитымъ разбойникомъ; но потомъ покаялся и захотѣлъ очистить свою совѣсть, сражаясь съ врагами отечества и Христовой вѣры. Какъ

мужа храбраго и опытнаго великій князь наканунѣ битвы поставилъ его въ одномъ мѣстѣ держать сторожу отъ Татарь. Во время этой сторожи, ночью привидѣлось ему будто отъ востока, какъ бы какая туча, несется по воздуху великое воинство. Но вдругъ съ полуденной стороны явились два свѣтлые юноши съ мечами въ рукахъ, и начали цоразать воинство, говоря: „Кто вамъ велѣлъ губить отечество наше?“

Покровителемъ и заступникомъ собственно Московскаго княженія въ тѣ времена стали почитать св. Петра митрополита, который впервые утвердилъ митрополичій престолъ въ Москвѣ и мощи котораго покоились въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Ему также приписывали невидимое участіе въ Куликовской побѣдѣ.

Вотъ разсказъ, сложившійся на подобіе ветхозавѣтной повѣсти о потопленіи Фараонова войска;

Въ ту же ночь, передъ битвою, гость—сурожанинъ Василій Капица и какой-то Семенъ Антоновъ имѣли видѣніе, будто со стороны поля идетъ страшное еѳіопское полчище, одни на колесницахъ, другіе на коняхъ. Но внезапно явился святой Петръ, митрополитъ Русскій, имѣя въ рукъ золотой жезлъ. «Зачѣмъ пришли погублять мое стадо; которое Богъ даровалъ мнѣ на соблюденіе?»—грозно воскликнулъ святитель. И началъ такъ избивать враговъ своимъ жезломъ, что одни пали на землю, другіе потонули въ водѣ, третьи убѣжали.

Преданіе прибавляетъ, что объ этихъ видѣніяхъ тотчасъ донесли великому князю. Онъ запретилъ пока разсказывать о нихъ; самъ же со слезами сталъ молить о помощи Бога и пречистой Богородицы, а также мучениковъ Бориса и Глѣба и чудотворца Петра.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ видѣній тѣ же преданія повѣствуютъ далѣе:

Когда Владиміръ Андреевичъ, приведши въ чувство великаго князя, разсказывалъ ему о побѣдѣ, то сообщилъ ему, что множество Татарь найдено убитыми за

рѣкою Непрядвою, куда Русское войско и не заходило во время битвы и что они истреблены конечно невидимою силою по заступленію свв. Борнса и Глѣба и Петра митрополита.

А когда великій князь со всѣмъ оставшимся воинствомъ при погребеніи христіанъ провозгласилъ вѣчную память убіеннымъ, и говорилъ, что они наслѣдовали нетлѣвные мученическіе вѣнцы отъ Христа Бога, тогда выступилъ нѣкто изъ долку Владиміра Андреевича, и сказалъ:

«Господине княже, истинно твое слово, что они нетлѣнными вѣнцами отъ Христа Бога увѣнчались. Когда стоялъ я въ дубравѣ въ засадномъ полку, плакалъ, смотря на православныхъ, избиваемыхъ отъ Татаръ, и молился Господу Богу, Его пречистой Матери и чудотворцу Петру, то внезапно, какъ бы придя въ изступленіе, увидѣлъ безчисленное множество вѣнцовъ, сходящихъ на избіенныхъ христіанъ.»

Наконецъ, по словамъ тѣхъ же преданій, нѣкоторые вѣрующіе люди во время битвы видѣли и Георгія Побѣдоносца, и Дмитрія Солунскаго, и вождя небесныхъ силъ архангела Михаила, и цѣлые полки ангеловъ, поражавшихъ невѣрное воинство пламенными стрѣлами.

Вообще это было въ обычаѣ древняго русскаго благочестія: знаменитыя побѣды своего оружія приписывать явной небесной помощи. Но ни одна русская побѣда не украсилась столькими знаменіями и видѣніями, какъ Куликовская.

VII.

З а к л ю ч е н і е.

Наконецъ войско изготовилось къ походу. Надъ великими братскими могилами православныхъ воиновъ священники отслужили молебенъ и провозгласили имъ вѣчную память. Русская рать переправилась на лѣвый берегъ Дона, и выступила въ обратный походъ. Обозъ ея увеличился множествомъ захваченныхъ у Татаръ кибитокъ, нагруженныхъ одеждами, оружіемъ и всякимъ добромъ; за войскомъ гнали отбитые табуны и стада коней, верблюдовъ, буйволовъ, барановъ. Кромѣ того Русскіе везли на родину многихъ тяжело раненныхъ; увозили съ собою также тѣла знатныхъ воиновъ въ колодахъ, которыя состояли изъ распиленнаго вдоль отрубка съ выдолбленною серединою. Въ числѣ этихъ воиновъ находились инокъ Пересвѣтъ и Осябля.

Проходя опять вдоль западныхъ Рязанскихъ предѣловъ, великій князь вновь запретилъ войску обижать и грабить жителей. Но, кажется, на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ враждебныхъ столкновений съ Рязанцами со стороны отдѣльныхъ московскихъ отрядовъ.

Когда Дмитрій, оставивъ позади главное войско съ легкой конницею прибылъ въ Коломну (21 сентября),

то у городскихъ воротъ его встрѣтилъ тотъ же епископъ Герасимъ и духовенство со крестами и иконами; проводилъ въ соборную церковь и совершилъ литургію съ благодарственнымъ молебномъ. Побывъ въ Коломнѣ дня четыре и не успѣвъ еще отдохнуть отъ своего великаго утомленія, великій князь поспѣшилъ въ свой столичный городъ.

Гонцы, отправленные тотчасъ послѣ Куликовой битвы въ главные города Московскаго княженія, уже давно извѣстили жителей о славной побѣдѣ, и настало народное ликование. 28 сентября Димитрій съ братомъ Владиміромъ торжественно вступилъ въ Москву. Его встрѣчали радостная супруга съ дѣтьми, множество народа, духовенства со крестами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Литургія и благодарный молебенъ были совершены въ соборномъ Успенскомъ храмѣ. Такіе же молебны пѣлись по всему городу; молились о здравіи великаго князя, всѣхъ князей и всего христолюбиваго воинства. Затѣмъ Димитрій раздавалъ многія милостыни по церквамъ и монастырямъ, одѣлывалъ убогихъ и нищихъ, а въ особенности вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ убіенныхъ воиновъ. Ратники, собранные изъ областей и уцѣлѣвшіе отъ побоища, недоходя до Москвы уже были распущены по своимъ домамъ.

Изъ Москвы, великій князь съ боярами вскорѣ отправился въ монастырь Троицы, чтобъ и тамъ возблагодарить Бога и принять благословеніе у игумена Сергія.

„Отче, твоими святыми молитвами я побѣдилъ невѣрныхъ — говорилъ Димитрій; — твой послушникъ инокъ Пересвѣтъ убилъ богатыря Татарскаго Но Божьимъ попушеніемъ, за многіе грѣхи наши, избито великое множество воинства христіанскаго; отслужи отче, обѣди и пой панихиду по всѣмъ избіеннымъ“.

Послѣ панихиды великій князь щедро одарилъ монастырь и братію. Онъ переночевалъ у Троицы и на другой день воротился въ Москву.

Тѣла иноковъ Пересвѣта и Ослябя были погребены подъ Москвою въ Рождественской церкви Симонова монастыря, основателемъ и первымъ игуменомъ котораго былъ родной племянникъ и постриженникъ Сергія Радонежскаго Феодоръ, въ то время духовникъ великаго князя Дмитрія.

Тогда же были основаны многіе храмы въ честь Рождества Богородицы; такъ какъ побѣда совершилась въ день этого праздника. Кромѣ того, Русская церковь установила ежегодно праздновать память по убиеннымъ на Куликовомъ полѣ въ такъ называемую субботу Дмитровскую; ибо 8 сентября 1380 года пришлось въ субботу.

*

Московскій народъ радовался великой побѣдѣ, и прославлялъ Дмитрія съ братомъ его Владиміромъ, давъ первому прозваніе *Донскаго*, а второму *Храбраго*. Русскіе надѣялись, что Орда повержена во прахъ и ярмо Татарское сброшено навсегда. Но этой надеждѣ не было суждено сбыться такъ скоро.

Мамай, несмотря на свое великое пораженіе, успѣлъ собрать въ Ордѣ новыя силы, и, злобствуя на великаго князя Московскаго, намѣренъ былъ отомстить ему внезапнымъ набѣгомъ на его землю. Но соперникомъ Мамаю въ Ордѣ явился другой ханъ, по имени Тохтамышъ. Собранныя противъ Дмитрія силы Мамай должны были обратить на Тохтамыша. Счастье и тутъ ему измѣнило: на Калкѣ, у Азовскаго моря, онъ былъ разбитъ соперникомъ. Царевичи и темники Ордынскіе покинули побѣжденнаго хана и передались Тохтамышу. Тогда Мамай, спасаясь отъ погони, съ немногими людьми бѣжалъ въ таврической городъ Кау или Феодосію къ своимъ прежнимъ союзникамъ Генуэзцамъ; но жители Кау вѣроломно его убили, что бы воспользоваться оставшимися у него сокровищами.

Спустя два года послѣ Куликовской битвы, воцарив-

шійся въ Сараѣ ханъ Тохтамышъ сдѣлалъ то, къ чему готовился низложенный имъ Мамай: онъ совершилъ большой набѣгъ на Московское княженіе, и столь внезапно, что засталъ Дмитрія неприготовленнымъ. Великій князь удалился въ сѣверные города, что бы собрать войско; а въ его отсутствіе Тохтамышъ обманомъ ворвался въ столицу, и ограбилъ ее. Но онъ успѣшилъ уйти, когда узналъ о собиравшейся противъ него Русской рати и когда значительный татарскій отрядъ былъ разбитъ Владиміромъ Андреевичемъ: Татары уже боялись встрѣчи въ открытомъ полѣ. Однако, что бы избавить свое княженіе отъ подобныхъ набѣговъ, Дмитрій согласился снова платить дань ханамъ Золотой Орды.

Очевидно чрезвычайное напряженіе, сдѣланное сѣвѣрною Русью для борьбы съ Мамаемъ и понесенная ею большая потеря въ людяхъ, сильно ее истощили. Послѣ Куликовскаго похода Русь нуждалась въ отдыхѣ; притомъ порядокъ собиранія и вооруженія ратныхъ силъ требовалъ много времени; такъ какъ постоянного или регулярнаго войска на Руси тогда не существовало. Далѣе, между сѣвѣрными князьями при Тохтамышевомъ нашествіи не замѣтно того единодушія и той ревности, какія они обнаружили въ войнѣ съ Мамаемъ (конечно тому способствовали также неожиданность и неприготовленность). Наконецъ и самъ Дмитрій во время упомянутаго нашествія повидимому дѣйствуетъ уже не съ тою рѣшительностью и энергіей, съ какою онъ дѣйствовалъ два года тому назадъ. Ясно, что труды похода и усердное участіе въ Куликовскомъ побойщѣ, т. е. понесенные имъ раны и тяжкіе ушибы, надломили его силы и здоровье, и, безъ сомнѣнія, сдѣлали его недолговѣчнымъ. Послѣ этого побойща онъ прожилъ только девять лѣтъ, и скончался, не достигнувъ сорокалѣтняго возраста.

Тѣмъ не менѣе Куликовская побѣда имѣетъ великое значеніе въ исторіи Русскаго народа. Она произвела рѣшительный переломъ въ отношеніяхъ Руси къ ея ди-

нимъ завоевателямъ. Со времени Батыева погрома Русь впервые почувствовала свою силу, ободрилась, и поняла, что окончательное сверженіе ига недалеко. Русскій народъ наглядно убѣдился въ томъ, что его главная сила должна заключаться въ соединеніи его разрозненныхъ частей, и неудержимо потянулъ къ собирательницѣ Русской земли и побѣдительницѣ Татаръ, т. е. къ Москвѣ. А великіе князья Московскіе, въ лицѣ Дмитрія Ивановича, покрылись такимъ ореоломъ славы, который совершенно затмилъ областныхъ великихъ князей, такъ что всякое соперничество со стороны послѣднихъ съ Москвою сдѣлалось послѣ того невозможнымъ. На Москву устремились взоры со всѣхъ концовъ Русской земли; отъ Москвы народъ сталъ ожидать защиты противъ всѣхъ своихъ сильныхъ враговъ. Татары въ свою очередь также почувствовали, что послѣ Куликовской битвы они уже не страшны Русскимъ, что Москва сдѣлалась очень сильна; а потому ханы если и прибѣгаютъ къ оружію, то стараются болѣе дѣйствовать внезапными набѣгами, нежели открытою войною, для того что бы получать дани съ русскихъ князей, и притомъ далеко не прежнія дани, а гораздо уменьшенныя. Оставалась, такъ сказать, одна тѣнь Татарскаго ига. Спустя ровно сто лѣтъ, правнукъ Дмитрія Донскаго Иванъ III уничтожилъ и самую тѣнь. А внукъ Ивана III Иванъ Грозный покорилъ три татарскія царства, Казанское, Астраханское и Сибирское. Изъ властителей Татары сдѣлались подвластными Руси. Начало такому обороту положено было на Куликовомъ полѣ.

• Однимъ словомъ нравственныя послѣдствія Куликовской побѣды были огромныя. Ея великое значеніе выразилось и въ томъ, что сказанія о ней сдѣлались любимѣйшимъ предметомъ народныхъ воспоминаній и чтенія грамотныхъ русскихъ людей. Ни одна битва древней Россіи не пользовалась въ потомствѣ такою громкою извѣстностію, какъ Куликовская.

ПРИМЪЧАНІЯ и ОБЪЯСНЕНІЯ.

Источникомъ для изображенія даннаго событія служатъ главнымъ образомъ Русскіе лѣтописные своды. Именно: *Новгородскій* (такъ наз. Четвертая Нов. лѣтопись. Пол. Соб. Р. Л. Т. IV. Тоже и въ первой Новгородской, но очень кратко). *Софійскій* (при явленіи къ Первой Софійской лѣтописи. П. С. Р. Л. Т. VI.). *Воскресенскій* (П. С. Р. Л. Т. VIII). Въ этихъ трехъ сводахъ повѣствованіе о «Побойщѣ великаго князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ» представляетъ одну и ту же редакцію, и различія очень немногими, незначительными вариантами. Далѣе, *Никоновскій* сводъ. Онъ заключаетъ наиболѣе подробное и обстоятельное изложеніе изъ всѣхъ сказаній о Куликовскомъ походѣ. Между прочимъ тутъ передаются: путешествія Дмитрія къ Сергію Радонежскому, гаданіе на Куликовомъ полѣ, благочестивыя видѣнія, единоборство Пересвѣта, дѣйствіе засаднаго полка, нахожденіе Дмитрія подъ срубленнымъ деревомъ, обратный походъ и встрѣчи. Этихъ эпизодовъ совсѣмъ нѣтъ въ предъидущихъ сводахъ.

Повѣданіе и сказаніе о побойщѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго, изданное Снегиревымъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. III. 1838 г. По своему содержанію и подробностямъ оно очень близко къ разсказу Никоновской лѣтописи; отличается же отъ нея главнымъ обра-

зомъ по языку, который иногда переходитъ въ пѣвическій складъ и отъявляется нѣкоторымъ подражаніемъ Слову о Полку Игоревѣ. Это сказаніе сохранилось во многихъ спискахъ, которые заключаютъ много вариантовъ, а также разнятся между собою нѣкоторыми вставками и пропусками. Судя по одному изъ списковъ, сочинителемъ его считался какой-то Софоній Рязанецъ (вѣроятно выходецъ изъ Рязанской области въ Москву). Нѣкоторые анахронизмы, напримѣръ Ольгердъ, поставленный вмѣсто Ягавла, или явные прибавки, напримѣръ участіе Новгородцевъ въ Буликовской битвѣ, ясно указываютъ на позднѣйшія передѣлки и неточную переписку первоначальнаго текста въ Сказаніи.

Слово о великомъ князѣ Дмитріиъ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владиміриъ Андреевичѣ, яко побѣдили супестата своего царя Мамая. (Т. наз. *Задонщина*). Оно найдено въ одномъ старинномъ сборникѣ Ундольскимъ и издано съ предисловіемъ Бѣльева во Временникѣ того же Общества Исторіи и Древ. кн. XIV. М. 1852. г. (Кромѣ того издано Срезневскимъ въ Извѣст. 2-го Отд. Акад. Наукъ. Т. VI. выи. V, и архим. Варлаамомъ въ Учен. Зап. того же Отд. V.). Это Слово не заключаетъ собственно никакихъ подробностей о походѣ и самой битвѣ; оно представляетъ нѣсколько поэтическихъ картинъ, явно составленныхъ по образцу Слова о Полку Игоревѣ. Напримѣръ, плачь Евдокіи и боярскихъ женъ на Москвѣ есть подражаніе плачу Ярославны въ Путявлѣ; а изображеніе Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича во время битвы напоминаетъ Игоря и его брата Буйтура Всеволода. Неизвѣстный авторъ Слова въ началѣ своемъ прямо ссылается на Софонія Рязанца, у котораго онъ повидному и заимствовалъ содержаніе своего произведенія.

Что Софоній Рязанецъ дѣйствительно существовалъ и въ древней Руси считался авторомъ Сказанія о Донскомъ бою, на это есть третье свидѣтельство, именно въ Тверской лѣтописи, гдѣ онъ названъ «бранскимъ бояриномъ.»

Тамъ впрочемъ приведенъ только небольшой отрывокъ изъ его «писанія на похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу».

Кромѣ упомянутыхъ источниковъ имѣемъ еще «Слово о житіи и преставленіи Дмитрія Ивановича, *царя Русскаго*». (Издано въ П. С. Р. Лѣт. IV и VI и въ Историч. Сбор. Общества И. и Др. III.). Въ этомъ словѣ помѣщено краткое описаніе войны Дмитрія съ Мамаемъ, очевидно основанное на тѣхъ же источникахъ.

Слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что такое великое событіе какъ Донской походъ Дмитрія Ивановича имѣлъ своего современнаго пѣвца или сказателя — панегириста, подобно многимъ другимъ важнымъ событіямъ древней Руси. Обычай сочинять похвальное слово или пѣснь въ честь князей тотчасъ послѣ совершения ими какого либо подвига—этотъ обычай идетъ на Русь изъ глубокой древности. Дѣйствительно скорѣ послѣ самого похода сочинена была похвальная повѣсть о немъ, въ честь Дмитрія Ивановича и двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича, и притомъ сочинена не только грамотнымъ, но и начитаннымъ авторомъ, котораго наши источники называютъ Софоніемъ Рязанцемъ. Сочиненіе это въ числѣ своихъ образцовъ имѣло поэтическое Слово о Полку Игоревѣ, и вообще исполнено риторическихъ украшеній. Авторъ его едва ли былъ бояриномъ; скорѣ это сочиненіе духовнаго лица. Похвальная повѣсть Софонія не дошла до насъ въ цѣломъ и настоящемъ своемъ видѣ. Но она послужила главнымъ источникомъ для всѣхъ упомянутыхъ выше Сказаній и Словъ. Ею воспользовался и тотъ лѣтописный рассказъ, который вошелъ въ своды Новгородскій, Софійскій и Воскресенскій. Ею вдохновился и изъ нея заимствовалъ свои картины авторъ Слова о Задонциѣ. Наконецъ та же самая повѣсть является въ Никоновскомъ сводѣ, и въ указанномъ выше «Повѣданіи о Побоищѣ», но только съ большими перемѣнами, пропусками и вставками. Рассказъ Никоновскаго свода по языку болѣе примѣненъ къ лѣтописному повѣст-

вованію, а Повѣданія несомнѣнно сохранило по большей части и самый языкъ Софоніева «писанія», риторическій или украшенный. Сказаніе Софонія очевидно получило большее распротраненіе въ древней Руси, и часто списывалось. Но позднѣйшіе писатели или переписчики много его искажали или по невѣжеству и недосмотру, или на мѣрвенными передѣлками. Каждой области лестно было заявить о своемъ участіи въ великой Куликовской битвѣ. И вотъ явились, напримѣръ, списки Сказанія съ длинной вставкой объ участіи Новгородцевъ въ походѣ Дмитрія, хотя это совершенная басня. Тверскіе писатели вставили участіе въ походѣ Тверичей съ племянникомъ своего великаго князя Михаила Александровича, хотя это тоже сомнительно. Присутствіе митрополита Кириана въ Москвѣ во время событія есть также позднѣйшая вставка. Можетъ быть, има его послѣ поставили на мѣсто того епископа, который занималъ въ эту минуту главное мѣсто въ московскомъ духовенствѣ (едвали не Герасимъ Коломенскій). Точно также если не всё, то нѣкоторыя благочестивыя легенды, приводимыя особенно Никоновскою лѣтописью, вѣроятно сложились или умножились уже въ послѣдствіи, на основаніи какихъ либо краткихъ намековъ первоначальной Повѣсти.

Что первоначальная повѣсть была написана вскорѣ послѣ событія и притомъ лицомъ, если и не участвовавшимъ въ походѣ, то по крайней мѣрѣ получившемъ вѣрныя свѣденія отъ участниковъ и очевидцевъ, на это существуютъ прямыя указанія въ Повѣданіи и лѣтописныхъ сказаніяхъ. Напримѣръ, имена убитыхъ князей и воеводъ повторяются вездѣ почти одинаковыя и почти въ одномъ порядкѣ (т. е. исключая явными описки) не только во всѣхъ спискахъ Повѣданія и въ Никоновскомъ сводѣ, но и въ другихъ указанныхъ нами лѣтописныхъ сводахъ. Имена десяти гостей-суроужамъ повторяются одинаково и въ Повѣданіи, и въ Никоновскою лѣтописи; тоже можно сказать и относительно именъ выславшихся впередъ развѣдчиковъ. Дѣти Дмит-

рія упоминаются только тѣ, которыя были у него во времена похода. Такія точныя данныя могли быть записаны только современникомъ *).

При своемъ изложеніи я старался принимать въ соображеніе совокупность извѣстій; а въ случаѣ ихъ взаимныхъ противорѣчій, выбиралъ наиболѣе достовѣрныя. Должно однако сознаться, что сличеніе разныхъ редакцій представляетъ великую путаницу по отношенію къ именамъ князей и бояръ, начальствовавшихъ отдѣльными частями на походѣ и особенно во время битвы. Затѣмъ очеркъ самой битвы во всѣхъ извѣстныхъ намъ редакціяхъ сказаній представляетъ замѣчательную темноту и полное отсутствіе подробностей. Сказанія эти, столь переполнены благочестивыми размышленіями, посланіями и бесѣдами главныхъ лицъ, легендарными видѣніями и знаменіями, вообще очень бѣдны фактической стороною; что, по моему мнѣнію, и обличаетъ въ авторѣ первоначальной Повѣсти

---

*) Кроме приведенныхъ указаній на Снегирева, Бѣллева и Срезневскаго, см. разнообразныя мнѣнія о Софоніѣ, Сказаніяхъ и ихъ редакціяхъ Карамзина (въ Т. V. прим. 65), Строева (Ж. М. И. Пр. 1834). Шевирева (Исторія Рус. Слов.), Соловьева (Ист. Рос. IV. гл. 3). Преосв. Филарета (Обзоръ Духов. Лит.), Бестужева Рюмина (Рус. Ист. Введеніе 40.) и Хрущова— „О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву (Труды Третьяго Археологич. Съѣзда. II).

Изъ отдѣльныхъ монографій о Куликовской битвѣ упоминаю: Савельева—Ростиславича („Димитрій Донской первоначальникъ Русской славы.“ М. 1837), Афремова („Куликово поле.“ М. 1849) и Костомарова (въ Академич. Мѣсяцесловѣ на 1864 годъ). Довольно обширное изложеніе этого событія въ Киевскомъ Синописѣ (К. 1768 г.) есть тоже Сказаніе или Повѣданіе, только передѣланное на литературную повѣсть XVII вѣка. Также можно замѣтить объ изложеніи его въ Исторіи Полеваго. Брошюра Макарова („Село Монастиршина и Поле Куликово“, М. 1826) заключаетъ въ себѣ нѣсколько свѣдѣній о сельской Монастиршинской церкви Рождества Богородицы, основанной, какъ полагаютъ, на мѣстѣ погребенія русскихъ воиновъ. Но онъ сообщаетъ мало топографическихъ данныхъ о самомъ Куликовомъ полѣ—

о Мамаевомъ побойщѣ во первыхъ духовное лицо, а во вторыхъ не самоличнаго участника и очевидца битвы (хотя бы и современника ея).

По указаннымъ источникамъ о самой битвѣ (за исключеніемъ начала сѣчи) извѣстны только два момента: поражение русскаго войска и побѣдоносный ударъ засаднаго полка. По тѣмъ же источникамъ битва длилась не менѣе трехъ часовъ. Сколько же должно было совершиться разныхъ оборотовъ дѣла, различныхъ движеній и усилій съ той и другой стороны въ теченіе этихъ трехъ часовъ! Едва ли дѣло было такъ просто, что вся масса Русской рати одновременно обратилась въ бѣгство, а затѣмъ явился одинъ засадный полкъ и мгновенно перевернулъ все въ обратную сторону? Отчего же татарскіе наѣзники, вопреки своему обыкновенію, не обошли Русскихъ и не замѣтили ранѣе засаднаго полка, или почему же Татары не имѣли никакого резерва? Татарскіе темники и самъ Мамай были люди много воевавшіе и опытные въ ратномъ дѣлѣ.

Но конечно въ дѣйствительности битва была не такъ несложна, чтобы заключать только два момента, рѣзко противоположные другъ другу. Несомнѣнно, что съ обѣихъ сторонъ было выказано все имѣющееся на лицо военное искусство и употреблены въ дѣло все извѣстные тогда приемы и все наличныя средства. Татары несомнѣнно превосходили насъ числомъ; но это всетаки не было такое подавляющее превосходство, которое могло разомъ одолѣть всю русскую рать. Не даромъ же Мамай медлил и все ждалъ на помощь Ягайла. По сказаніямъ даже выходитъ, что только вслѣдствіе противнаго вѣтра Волгинецъ Боброкъ долго удерживалъ засадный полкъ отъ помощи своимъ, уже погибавшимъ. Какъ будто въ подобныхъ случаяхъ своевременная помощь можетъ зависѣть отъ вѣтра!

Я полагаю, что, если и болѣе подробныя сказанія почти всю битву сосредоточиваютъ около засаднаго полка, и не говорятъ о другихъ частяхъ, то причиною тому, во первыхъ, дѣйствительно важная роль, которая пришлось

на долю этого полка. Во вторыхъ, сама первоначальная повѣсть Софонія Рязанца имѣла своею задачею собственно похвалу Дмитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу. Поэтому, восхваливъ подвиги Дмитрія, лично сражавшагося съ непріателемъ, она почти прямо переходитъ къ засадному полку Владиміра Андреевича, рѣшившаго побѣду; а дѣйствія иныхъ полковъ, иныхъ воеводъ оставляетъ совершенно въ тѣни. Но къ счастью сохранились нѣкоторые другія свѣденія о ходѣ Куликовской битвы, именно въ Исторіи Татищева (IV. 280—281). Сколько намъ извѣстно, доселѣ историками не было обращено должное вниманіе на эти свѣденія, при описаніи Куликовскаго боя. А между тѣмъ, не смотря на свою краткость, онѣ удовлетворительно объясняютъ намъ ходъ битвы, во второй ея половинѣ, и даютъ настоящее мѣсто дѣйствию засаднаго полка. Ими я воспользовался при своей попыткѣ очертить взаимное положеніе ратей и постепенный ходъ боя, а также указать, кто въ Русскомъ войскѣ начальствовалъ середнею и передовою ратью, правымъ и лѣвымъ крыломъ. Съ достовѣрностью можно полагать, что послѣднимъ, т. е. лѣвымъ крыломъ, начальствовали именно князья Бѣлозерскіе и что въ предпослѣдній моментъ боя усилія Татаръ устремились именно на это крыло. Потому то тутъ и было самое большое число убитыхъ (въ томъ числѣ и всѣ князья Бѣлозерскіе). Послѣ передовой рати, неудачѣ подверглось только лѣвое крыло; а не все войско бѣжало, какъ обыкновенно изображается. Въ связи съ этимъ моментомъ боя находится вопросъ, гдѣ былъ помѣщенъ засадный полкъ: за правымъ или лѣвымъ крыломъ?

Сказанія не отвѣчаютъ прямо на этотъ вопросъ. Онѣ говорятъ только, что великій князь отпустилъ брата своего Владиміра *вверхъ по Дону*, въ дуброву. Но тутъ явная ошибка: надобно читать «внизъ», а не «вверхъ» по Дону; ибо, принимая исходнымъ пунктомъ нашей переправы и расположенія за Дономъ устье Неирядвы, верхъ Дона

приходится на другой сторонѣ Непрядвы, гдѣ не было сраженія. По разсказу же Татищева выходитъ, что засадный полкъ ударилъ въ тылъ и бокъ Татарамъ, когда они погнали передъ собою лѣвый полкъ и поравнялись съ дубровою. Слѣдовательно засадный полкъ стоялъ за лѣвой рукой. Если отъ извѣстій Татищева мы обратимся къ обзорѣннѣю самого Куликова поля и его окрестностей, то убѣдимся, что нигдѣ въ иномъ пунктѣ онъ и не могъ быть поставленъ, какъ на лѣвой сторонѣ, надъ лѣснымъ оврагомъ рѣчки Смолки, который мѣшалъ Татарской конницѣ охватить Русское крыло съ этой стороны и заранѣе открыть присутствіе засаднаго полка. Въ помѣщеніи послѣдняго видна замѣчательная предусмотрительность Дмитрія и его совѣтниковъ. Этотъ полкъ былъ поставленъ такъ умно, что въ одно время служилъ и резервомъ, и прикрытіемъ какъ обоза, такъ и единственнаго пути отступленія вмѣстѣ съ наведенными на Дону мостами *).

Затѣмъ, по извѣстію того же Татищева, когда Русская рать, поддержанная засаднымъ полкомъ, сбила и погнала Татаръ, то Мамай также ввелъ въ дѣло поддержку (конечно послѣднія); Татары около своихъ таборовъ остановились и возобновили сраженіе; но тутъ были уже окончательно разбиты. Такой ходъ дѣла очень вѣроятенъ и ничему не противорѣчить.

Такъ какъ Татищевъ пользовался и тѣми списками лѣтописей, которые до насъ не дошли, то очень возможно, что относительно Куликовской битвы онъ, кромѣ помяну-

---

*) Авторъ „Историческаго обзорѣннѣю Тульской губерніи“, Афремовъ въ своемъ планѣ Куликовской битвы (приложенномъ къ помянутому его сочиненію „Куликово поле“), по нашему мнѣнію приблизительно вѣрно обозначилъ мѣсто засаднаго полка. Князь же Голицынъ въ своемъ спеціально военномъ сочиненіи („Русская военная исторія“. Часть 1-я. Свѣ. 1877) и въ приложенномъ къ нему планѣ, неимѣя на какомъ основаніи, помѣщаетъ засадный полкъ за правымъ крыломъ, на берегу Непрядвы, куда Татарамъ стремиться не было и большаго расчета.

тыхъ сказаній, имѣлъ подъ руками и еще источникъ, который остался намъ неизвѣстенъ.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о поведеніи Димитрія Ивановича Московскаго въ день битвы. Павшій въ его одеждѣ бояринъ Бренкъ и вѣтви срубленнаго дерева, подъ которыми нашли великаго князя, нисколько не могутъ уменьшить славу его личнаго геройства въ этотъ день.

Возлагая свою одежду на любимца, Димитрій нискоимъ образомъ не могъ предвидѣть всѣ случайности предстоящаго боя, предвидѣть, что боярина непременно убьютъ вмѣсто него самого. Если бы Димитрій остался на своемъ мѣстѣ, то и отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ непременно убитъ. Очень можетъ быть, что самое замѣшательство, временно случившееся въ большомъ полку, произошло именно вслѣдствіе того, что Димитрія не было на великокняжескомъ мѣстѣ, а Бренкъ не могъ исполнѣть его замѣнить. Никто не ставитъ въ упрекъ прадѣду Фридриха II, великому курфирсту Бранденбургскому, то обстоятельство, что онъ во время Фербелинскаго сраженія, 1675 года, въ виду направленныхъ на него выстрѣловъ, помѣнялся своимъ бѣлымъ конемъ съ шталмейстеромъ; послѣ чего тотъ дѣйствительно былъ убитъ. Если бы великій князь некалъ безопасности, то онъ не поѣхалъ бы въ передніе ряды, что бы самому рубиться съ непріателемъ; а на оборотъ помѣстился бы за войскомъ, какъ совѣтовали ему бояре и какъ поступилъ его противникъ Мамай. Или онъ могъ бы остаться при засадномъ полку, который хотя и покрылся наибольшею славою, но пострадалъ менѣе всѣхъ прочихъ частей войска.

Нѣтъ сомнѣнія, что Димитрій какъ еще молодой человекъ, исполненный силъ и энергій, увлекся въ Куликовской битвѣ личною отвагою, и дѣйствительно подвергъ себя такимъ опасностямъ, посреди которыхъ уцѣлѣлъ почти чудеснымъ образомъ. Если до изнеможенія утомленный битвою (не забудемъ о его тучности), лишившійся коня, окруженный врагами, отрѣзанный во время свалки отъ всякой помощи,

онъ счумѣлъ еще добраться до закрытія и снасться, то эго опять таки свидѣтельствуеть о его энергіи и находчивости. Надобно замѣтить, что тогда средствомъ спасенія въ случаѣ ранъ и крайней опасности во время боя употреблялся повидимому такой способъ: упасть среди труповъ и пролежать до минованія опасности. И этотъ способъ не считался унизительнымъ для храбрецовъ. Примѣръ тому представляетъ князь Стефанъ Новосильскій. Когда Владимиръ Андреевичъ спрашивалъ, кто видѣлъ въ бою великаго князя, то Новосильскій, не безъ нѣкотораго хвастовства, сообщилъ, что видѣлъ, какъ Дмитрія обступили четыре Татарина; что онъ (Новосильскій) напалъ на этихъ Татаръ и троихъ убилъ, а четвертый убѣжалъ; когда же онъ погнался за этимъ четвертымъ, то на него самого напали другіе Татары и нанесли многія раны; а затѣмъ онъ спасся тѣмъ, что остальное время битвы пролежалъ между трупами. („Повѣданіе“. Истор. Сбор. III. 62). Дмитрій однако не прибѣгъ къ этому именно способу.

Источники согласно свидѣлствуютъ, что великій князь былъ осипанъ ударами по головъ, плечамъ и животу, и что доспѣхи его были всѣ изсѣчены. Если же на тѣлѣ его не оказалось глубокихъ ранъ, то этимъ онъ конечно былъ обязанъ превосходному качеству своей брони и своего плема. Припомнимъ, что нѣчто подобное случилось съ французскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ, въ сраженіи при Бовинѣ 1214 года. И въ Русскихъ лѣтописяхъ находимъ другой подобный примѣръ. Въ 1317 году тверской князь Михалъ Ярославичъ сразился съ Юріемъ Московскимъ и татарскимъ воеводою Кавгаднемъ, и побѣдилъ ихъ. «Самому же князю Миханлу видѣти доспѣхъ свой весь азвель, на тѣлѣ же не бысть никоея раны.» (П. С. Р. Лнт. V. 209. VII. 190).

Если Дмитрій Ивановичъ въ данномъ случаѣ заслуживаетъ леваго упрека, то именно за его излишнюю отвагу и увлеченіе воинскимъ пыломъ. Но на эго можно отвѣчать тѣмъ, что побѣдителя не судятъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

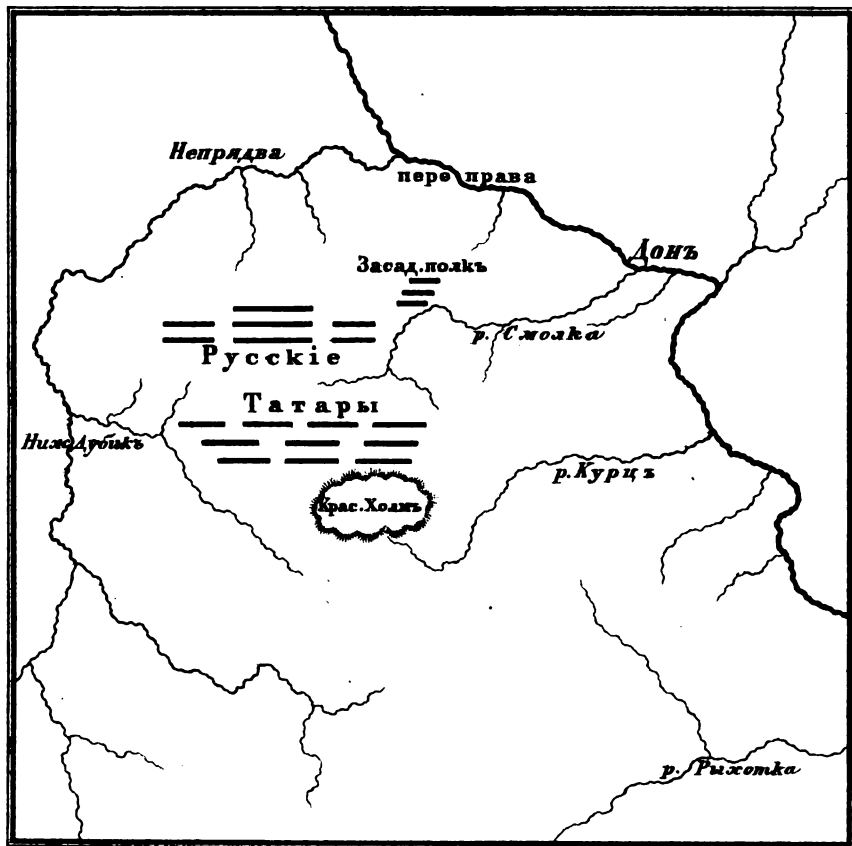
	<i>Стр.</i>
Вступленіе.....	6
I. Недобрыя вѣсти	9
II. Святой игумень	14
III. Походъ	18
IV. Военный совѣтъ.—Примѣты.	26
V. Куликовская битва	33
VI. Побѣдители.—Благочестивыя легенды	41
VII. Заключеніе	48
VIII. Примѣчанія и объясненія	55
Планъ Куликова поля.	

КУЛИКОВО ПОЛЕ

и

положеніе ратей передъ битвою.

1114

СОЧИНЕНІЯ Д. ИЛОВАЙСКАГО:

Розысканія о началѣ Руси. 2 р.

Исторія Россіи. Часть 1-я. Кіевскій періодъ.

1 р. 50 к.

и

Вновь вышедшая книга:

Исторія Россіи. Часть 2-я: Влади-
мірскій періодъ. 2 р.

Адресъ автора-издателя: Москва, у Старога Пимена,
собст. д.

DK 99 .I4
Kulikovskaia pobieda Dimitriia
Stanford University Libraries

3 6105 041 442 844

Stanford University L
Stanford, Californ

Return this book on or before

--	--